ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Цена 30 коп.

Литературная газета

Вторник, 10 августа 1937 г.

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР.

№ 43 (679)

С'езд подготовки великого Октября

В историю борьбы за социалистическое общество VI с'езд ленинской большевистской партии вошел как с'езд боевой подготовки Великой Октябрьской Революции.

Двадцать лет назад в Петрограде, у Нарвских ворот, собрались делегаты в числе 269 человек, представляющие 240.000 членов большевистской партии, для обсуждения вопросов всемирно-исторического значения. Работы с'езда большевистской партии протекали в исключительно напряженной и сложной обстановке. Двоевластие Временного правительства и Советов сменилось единовластием буржуазии. Контрреволюция стремилась обезоружить и разгромить силы революции. Вести революцию вперед можно было, только вырвав власть из рук буржуазии.

Против революционно настроенных масс трудящихся, рабочих, солдат, крестьян Временное правительство принимало самые решительные меры. Особенно яростное озлобление у контрреволюционных бандитов вызывала ленинская большевистская партия. Юнкера громили большевистские газеты, расстреливали большевистских агитаторов. Контрреволюционная правительственная клика вкупе с меньшевиками и эсерами требовала выдачи на суд буржуазии скрывавшегося в те дни в глубоком подполье В. И. Ленина, вождя трудящихся мира и создателя большевистской партии.

Одним из первых на с'езде был обсужден вопрос о явке Ленина на суд. Докладчик т. Серго Орджоникидзе, защищая и поддерживая точку зрения товарища Сталина, категорически возражал против явки Ленина на суд. «Мы ни в коем случае, — говорил т. Серго Орджоникидзе, — не должны выдавать т. Ленина», ибо это означало бы отдать Ленина в лапы смерти.

Обер-бандит Троцкий и его приспешники Каменев и Рыков отстаивали с пеной у рта необходимость выдачи Ленина буржуазии, смыкаясь целиком с контрреволюционерами — меньшевиками и эсерами. С'езд большевистской партии высказался против явки Ленина в суд.

На VI с'езде большевистской партии отсутствовал Ленин, но ленинской идейностью, ленинской дальнозоркостью и непримиримостью были проникнуты работы и решения с'езда. Вернейший ученик Ленина товарищ Сталин руководил историческими работами с'езда.

Два самых важных доклада на с'езде принадлежали товарищу Сталину: политический отчет Центрального комитета и доклад о политическом положении.

В этих двух докладах был дан исключительно четкий анализ политического и экономического положения страны и определены новые задачи борьбы за социализм.

Товарищ Сталин, определяя в духе указаний Ленина тактическую программу борьбы, говорил: «Мирный период революции кончился, наступил период немирный, период схваток и взрывов». Констатируя, что власть в стране фактически перешла в руки военной диктатуры, что меньшевики и эсеры полностью изменили революции, что в этих условиях невозможен мирный переход власти к советам, товарищ Сталин предложил VI С'езду принять решение о временном снятии лозунга «Вся власть Советам». Товарищ Сталин подчеркнул, что временное снятие лозунга «Вся власть Советам» вовсе не означает «Долой Советы». Большевики остаются в Советах, продолжают разоблачение тактики эсеров и меньшевиков, завоевывают Советы на свою сторону.

«Главная задача, — подчеркивал товарищ Сталин в заключительном слове, — пропаганда идеи необходимости свержения существующей власти. Мы еще недостаточно подготовлены к этой мысли. Но надо подготовиться.

Надо, чтобы рабочие, крестьяне и солдаты поняли, что без свержения нынешней власти им не получить ни воли, ни земли!

Итак, вопрос стоит не об организации власти, а об ее свержении, а когда мы получим власть в свои руки, сорганизовать ее мы сумеем».

В этот период речь шла о том, чтобы организовать новый революционный под'ем масс, вооружить революцию, свергнуть власть контрреволюционной буржуазии, установить диктатуру пролетариата и двинуть страну по пути социалистического развития.

Троцкистско-бухаринские мыслишки о невозможности построения социализма в одной отдельно взятой стране получили сокрушительный отпор на VI с'езде ленинской партии. В момент, когда партия поднимала массы на штурм твердынь капитализма, троцкистско-бухаринское положение о невозможности построения социализма в одной стране было особенно вредоносным. Товарищ Сталин разгромил эти идейки, вселив в партийные массы и массы рабочего класса уверенность в победе. Товарищ Сталин говорил:

«Не исключена возможность, что именно Россия явится страной, пролагающей путь к социализму. До сих пор ни одна страна не пользовалась такой свободой, какая была в России, не пробовала осуществлять контроль рабочих над производством. Кроме того база нашей революции шире, чем в Западной Европе, где пролетариат стоит лицом к лицу с буржуазией в полном одиночестве. У нас рабочих поддерживают беднейшие слои крестьянства... Надо откинуть отжившее представление о том, что только Европа может указать нам путь. Существует марксизм догматический и марксизм творческий. Я стою на почве последнего».

Работы с'езда партии сыграли решающую роль в подготовке Великой Пролетарской Революции. Ленинско-сталинская линия большевистской партии победила. Гигантская работа, которую проделала партия по собиранию и организации революционных сил, не замедлила сказаться. Вокруг партии все больше и больше сплачивались могучие силы социалистической революции. С невиданной в истории интенсивностью массы освобождались от мелкобуржуазных иллюзий, в них росла ненависть к контрреволюционному Временному правительству, все ясней и очевидней становилась им предательская роль прихвостней буржуазии меньшевиков и эсеров и вместе с тем в огромнейших массах рабочих, солдат, крестьян росла вера в силу и правоту большевистских лозунгов и идей.

В могучем порыве рабочего класса и беднейшего крестьянства 25 октября 1917 года была сметена власть капиталистов и помещиков и установлена диктатура пролетариата.

Под водительством Ленина и Сталина страна трудящихся в жесточайших битвах с полчищами российских и иноземных белогвардейцев утвердила и подняла над всем миром победное знамя социализма. Два десятилетия Союз Советских Социалистических Республик высится неприступным маяком, указывая путь угнетенным и эксплоатируемым всего мира.

Скоро наша страна будет праздновать двадцатилетнюю годовщину Октябрьской победы, подготовленной историческими решениями VI с'езда партии, гением Ленина и Сталина. Народы СССР победно идут к коммунизму, укрепляя строй победившего социализма, беспощадно выкорчевывая подлых врагов народа, фашистских наемников. Нет такой силы, которая могла бы задержать могучее шествие великой социалистической страны вперед, к коммунизму.

«Доклад товарища И. В. Сталина на VI с'езде РСДРП (большевиков)»
(Акварель худ. В. Сварога. Центральный музей В. И. Ленина).

КОНСТИТУЦИЯ СССР В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ИЗДАНИЯХ

Выходящий на-днях в Изогизе четвертый выпуск наглядного пособия «Политграмота» будет посвящен Конституции СССР.

В этот выпуск входит 20 фотомонтажей-плакатов, иллюстрирующих отдельные статьи великой Сталинской Конституции, и 13 карт, дающих яркое представление об успехах промышленности, культуры, сельского хозяйства, транспорта наших союзных республик.

«Конституция СССР» оформлена художником Перниковым. Фотоматериал — В. Грюнталя.

Тираж четвертого выпуска «Политграмоты» — **«Конституция СССР»** — **12** тысяч экземпляров.

Размер плакатов фотомонтажей — 50 × 70 см.

Предполагаемая цена отдельного выпуска — 20 рублей.

★

Изогиз готовит к печати специальное издание — «Конституция СССР в диаграммах».

40 художественно оформленных диаграмм посвящаются отдельным темам статей великой Сталинской Конституции, успехам нашей индустрии, сельского хозяйства, культуры.

Художественное оформление «Конституции СССР в диаграммах» делали художники К. Кулешов, А. Диодоров, И. Долгополов и Е. Малолетков.

Тираж «Конституции СССР в диаграммах» — **20** тысяч экземпляров.

Предполагаемая цена отдельного выпуска — **5** рублей.

Доклады о конгрессе мира и культуры

Сегодня в Доме советского писателя состоится общемосковское собрание писателей, посвященное итогам Второго Конгресса Международной Ассоциации Писателей.

С отчетными докладами на собрании выступят вернувшиеся в Москву участники советской делегации на Конгрессе в защиту мира и культуры.

ЛУЧШЕМУ ДРУГУ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Письмо товарищу Сталину от украинских писателей

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Писатели столицы Советской Украины собрались, чтобы подробно обсудить состояние литературной организации Украины и задачи, стоящие перед великой советской литературой.

К этому важному участку социалистической культуры подлые враги народа — украинские националисты и троцкисты, авербаховцы и бухаринцы — пытались протянуть свою преступную руку, пытались вредить, тормозить наше движение вперед.

Они пойманы с поличным.

Их преступные дела и омерзительные лица изменников показаны всему миру. Они разоблачены и уничтожены!

Мы, советские писатели, вместе со всем советским народом, сделаем все, чтобы до конца разоблачить вражеские остатки и вырвать их со всеми корнями. Врагам никогда не нарушить нашу стойкость и единство. Преисполненные глубокой ненавистью к фашистам и их агентуре, мы все свои силы отдадим на служение родине.

Велика честь быть советским писателем, бойцом за социализм, строителем новой счастливой жизни, к которой пришли мы, руководимые партией Ленина—Сталина, руководимые Вами, мудрый наш учитель и вождь!

Преданные сыны трудового народа, гордые успехами нашей родины, мы напряженно творчески работаем и великую годовщину Пролетарской Революции встретим художественными произведениями, достойными нашей эпохи.

Вдохновленные Вашим мудрым словом, мы будет непоколебимыми бойцами за коммунистическое общество, верными певцами освобожденного человечества.

Да здравствует славная Коммунистическая партия!

Да здравствует социалистическое искусство нашей прекрасной родины!

Да здравствует наш вождь, учитель и друг, великий Сталин!

Новый триумф советского искусства

Телеграф принес ряд сообщений о новом триумфе советского искусства.

Общественно-политический, литературный и артистический мир Парижа взволнован встречей с орденоносным Московским Художественным театром имени А. М. Горького.

Даже реакционная газета «Фигаро» вынуждена констатировать огромный успех советского театра, вынуждена отметить его изумительное мастерство, его «восхитительную художественную дисциплину».

Искусство революции побеждает потому, что это — самое благородное, самое человечное искусство. Его мощный голос пробивается сквозь все препятствия, оно вносит всюду радостное оживление, неизменно покоряет массы.

Никто в мире—даже заклятые враги наши — не посмеет говорить о победе МХАТ, как о счастливой случайности. Нет, на такой дешевой демагогии сейчас не выедешь. Каждому непредубежденному человеку становится ясной та органическая внутренняя связь, которая существует между триумфом Московского Художественного театра в Париже и победами советского гроссмейстера Ботвинника на международном шахматном турнире в Англии, советских пианистов — на варшавском конкурсе, советских скрипачей — на международном конкурсе в Брюсселе, наших героев-летчиков, проложивших трассу Москва — Америка через Северный полюс, наших спортсменов, вышедших на первое место на международной рабочей олимпиаде в Антверпене.

Это все различные стороны единого творческого процесса, название которому — социалистическое строительство!

Где еще работники искусства окружены таким ореолом, как в СССР, где еще народ окружает их такой любовью, таким вниманием, а правительство — такими неусыпными заботами?

Есть ли еще одна страна, которая отдавала бы весь свой гений, все свои труды, весь свой грандиозный опыт строительства — делу борьбы за мир, тому делу, которому угрожают озверелые фашистские банды и их троцкистские наемники.

Блестящей демонстрацией пламенного стремления к миру и дружбе народов, неопровержимым доказательством творческого под'ема, охватившего всю нашу страну, явился советский павильон на Всемирной выставке в Париже.

Нам понятны бешенство и ярость фашистов и реакционеров всех мастей, ставших свидетелями форменного паломничества тысяч трудящихся, всей передовой интеллигенции в этот павильон. Советский павильон не только демонстрирует культуру и мощь Советского Союза, но и разоблачает самые основы капиталистического строя, показывая успехи социалистического строительства и такие достижения СССР, которые немыслимы ни в одной капиталистической стране.

О том, как вдохновляют победы Советского Союза трудящихся всего мира, лучше и полнее всего говорят волнующие записи, оставленные посетителями советского павильона в специальной «книге впечатлений».

Эти записи звучат, как восторженный гимн в честь страны, сумевшей избавиться от ига капитализма, в честь великого вождя народов Сталина, уверенно ведущего СССР от победы к победе:

«Только глупцы или слепцы могут не видеть замечательных фактов советской действительности».

«Ура, СССР! Мы будем сражаться вместе с вами за свободу и справедливость!».

«Мы преклоняемся перед гением Сталина!».

«Да здравствует СССР — свет и надежда всего мира! Да здравствует Сталин!».

Таковы чувства, мысли, настроения посетителей выставки.

Их устами говорят миллионы, десятки миллионов трудящихся, видящих в СССР самый могучий оплот мира, верящих в его непобедимость, преклоняющихся перед его творческим энтузиазмом.

Эти люди твердо знают, что триумфы Ботвинника, Чкалова, Громова, Ойстраха, Качалова, Москвина и многих других — это триумфы не одиночек, а новой, социалистической культуры, всего советского народа, руководимого великой ленинско-сталинской партией. Вместе с нами знают они также, что впереди — еще более ослепительные победы, выражающие закономерности нашего роста, нашего безостановочного движения к коммунизму.

И горе тем, кто пытается повернуть вспять колесо истории.

Они будут беспощадно сметены.

Плакаты к выборам

Актуальнейшая задача всей нашей советской общественности — популяризировать новый избирательный закон в СССР — это яркое выражение подлинного демократизма и гуманизма, заложенных в основе Сталинской Конституции; раз'яснять гражданам Страны Советов их великие права и добиться того, чтобы все без исключения пришли к избирательным урнам.

Этой задаче должны служить выпускаемые массовыми тиражами плакаты Изогиза.

К работе над художественными плакатами, посвященными новому избирательному закону, привлечены художники Дени, Моор, Кейль, Клинч, Кокорекин, Доброковский, Розе, Шубина, Шерман, Курганов, Караченцов, Гугунава.

К дням избирательной кампании Изогизом будет выпущено более десяти многокрасочных плакатов.

★

Особенный интерес представляет инструктивный плакат «Что должен делать избиратель в день выборов». Здесь в ряде отдельных иллюстраций наглядно показываются все этапы участия граждан в выборах, — избиратель, уходя из дома, берет с собой паспорт, читает в избирательной комиссии списки, получает у члена избирательной комиссии бюллетень и конверты, заклеивает конверт, опускает его в избирательную урну.

Художественно оформленные схемы посвящены вопросам: «Избирательные нормы выборов в Верховный Совет и Совет национальностей СССР» и «Избирательные комиссии»; «Как будут избирать в Совет национальностей» и т. д. В агитационно-художественных плакатах найдут свое отражение такие темы, как оборона Страны Советов, женщина в СССР, советская молодежь и многие другие.

Ряд избирательных плакатов покажет разницу между новым избирательным законом СССР и выборной системой зарубежных буржуазно-«демократических» стран.

Избирательные плакаты для союзных республик будут выпущены на языках национальностей.

О награждении Героев Советского Союза тт. Чкалова, Байдукова и Белякова

Постановление Центрального Исполнительного Комитета СССР

За осуществление героического, впервые выполненного беспосадочного перелета Москва — Северный полюс — Соединенные Штаты Америки Центральный Исполнительный Комитет СССР **постановляет:**

1. Наградить орденом **Красное Знамя** Героев Советского Союза

Чкалова В. П. — командира экипажа «АНТ-25»,

Байдукова Г. Ф. — второго пилота,

Белякова А. В. — штурмана.

2. Выдать единовременную денежную награду участникам перелета: Чкалову В. П., Байдукову Г. Ф. и Белякову А. В. — по 30 тысяч рублей.

Председатель Центрального Исполнительного Комитета СССР М. КАЛИНИН.

Секретарь Центрального Исполнительного Комитета СССР А. ГОРКИН.

Москва, Кремль.
9 августа 1937 г.

Гастроли МХАТ в Париже

Московский академический ордена Ленина Художественный театр СССР начал свои гастроли в Париже пьесой Горького «Враги».

На афишах, извещавших о гастролях МХАТ, было напечатано предупреждение о том, что после поднятия занавеса вход в зал будет закрыт.

Французские театры таких строгостей не знают. Но французская публика беспрекословно подчинилась московскому обычаю.

Театр Елисейских полей был переполнен задолго до поднятия занавеса — явление, совершенно необычное во Франции.

Уже после первого акта раздался гром аплодисментов. Но артисты на сцену не вышли.

Представитель дирекции раз'яснил публике обычай художественников выходить на вызовы только по окончании спектакля. Аплодисменты были еще сильнее после второго акта, который публика прослушала с возрастающим напряжением.

Когда спектакль кончился, его участникам была устроена бурная овация.

Во главе с народным артистом СССР В. И. Немировичем-Данченко они много раз выходили на бесчисленные вызовы публики.

На премьере присутствовали видные государственные и общественные деятели Франции, представители французского искусства — писатели, артисты, художники.

По их единодушному отзыву спектакль МХАТ—событие в жизни французского театра.

10 августа — премьера пьесы К. Тренева «Любовь Яровая».

В. ФИНК

Париж. (По телефону).

«Декада советской авиации»

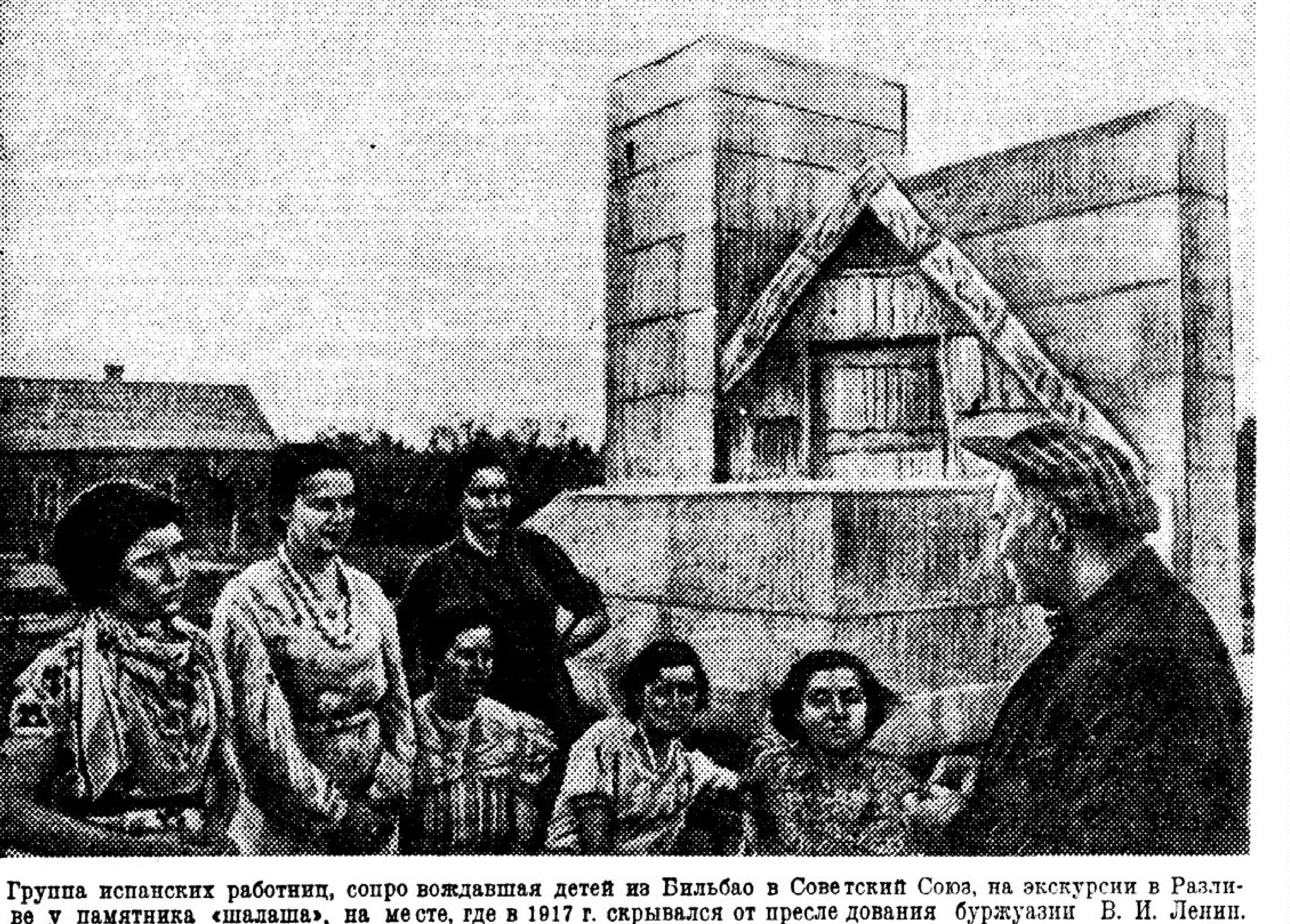
В Центральном парке культуры и отдыха им. Горького проводится с 8 августа «Декада советской авиации».

На лужайках парка стоят самолеты и планеры, инструкторы демонстрируют парашюты, на многочисленных щитах — диаграммы, таблицы рекордов советской авиации.

Герои Советского Союза, летчики, парашютисты, конструкторы, инженеры выступают в дни декады с докладами о достижениях нашей авиации.

18 августа в парке — большой праздник, посвященный Всесоюзному дню авиации.

В этот день предполагается встреча трудящихся столицы с возвращающимся в СССР экипажем самолета «АНТ-25» — Героями Советского Союза тт. **Громовым, Юмашевым и Данилиным.**

Группа испанских работниц, сопровождавшая детей из Бильбао в Советский Союз, на экскурсии в Разливе у памятника «шалаша», на месте, где в 1917 г. скрывался от преследования буржуазии В. И. Ленин. Они слушают воспоминания старого производственника Сестрорецкого завода, участника июльских событий в Петрограде — т. А. И. Матвеева. На снимке слева направо: **Анна Мария Саррага, Конча Вильянуэва, Хенара Ларасаба,** переводчица т. **А. А. Муравейская, Мария Луиза Иберо, Пиляр Убиде** и т. **Матвеев.**
(Союзфото).

Всесоюзная выставка самодеятельного искусства

Ежедневно в клуб «Красный Октябрь», где собираются экспонаты для Всесоюзной выставки самодеятельного изобразительного искусства, организуемой Всесоюзным домом народного творчества, поступают все новые картины, рисунки, плакаты, скульптура, вышивки, художественные изделия.

Поступило уже свыше **6000** произведений самодеятельного искусства. Из них жюри отобрало для выставки около **1500** экспонатов.

Нет ни одной республики, края или области в Советском Союзе, которые не приняли бы участия в этой выставке.

Прислали свои работы художники-самоучки Украины, Белоруссии, Казахстана, Азербайджана, Армении, Якутии и др.

Работы отражают гражданскую войну, социалистическое строительство, принятие Сталинской Конституции, завоевание Северного полюса, события в Испании.

Много иллюстраций к произведениям Пушкина.

Грузия прислала зарисовки к стихам и поэмам И. Чавчавадзе.

Еще трудно дать оценку выставке, но жюри уже отметило некоторые наиболее удачные произведения самодеятельного искусства. Среди них: скульптура «Ленин на субботнике» (П. Музыченко из Ростова-на-Дону), бюст писателя Н. Островского (М. Заржевского из Пскова), картины: «Чапаев в бою» (С. Богаткина из Чувашской области), «Товарищ Сталин, Горький, Ворошилов и Каганович на строительстве канала Москва—Волга» (В. Жаркова из Астрахани), «Вручение колхозу акта на вечное пользование землей» (Седова из Казахстана), иллюстрации (рисунки и акварель) к роману «Как закалялась сталь» Н. Островского (Г. Гончарова из Воронежской области), гравюра-портрет А. М. Горького (Ф. Гордеев из города Петровска Саратовской области).

Выставка открывается **18 августа** в Центральном парке культуры и отдыха им. Горького.

Москва — Мадрид

На докладе Вс. Вишневского

В кругу редакции журнала «Знамя» т. Вс. Вишневский 7 августа сделал сообщение о своей поездке, в составе советской делегации, на Второй конгресс Международной ассоциации писателей.

Охарактеризовав социально-экономический фон современной Испании, расстановку ее классовых сил, Вс. Вишневский затем по записям своего путевого дневника восстановил свои непосредственные впечатления от фронта и тыла республиканской Испании.

Перед слушателями прошел весь путь советской делегации, братски, любовно и восторженно встреченной народными массами республиканской Испании, перед слушателями прошли в живой зарисовке фигуры бойцов республиканской армии, ее интернациональных частей и людей из народа. Клеймящую характеристику дал т. Вишневский разномастным представителям фашистской «пятой колонны», гнездящейся в тылу республиканской Испании, и ее презренному авангарду — троцкистам-поумовцам.

★

Первый подготовительный этап конгресса — Париж, крупнейший сборный пункт для его делегатов, с'езжавшихся со всех концов мира. Здесь пришлось пережить немало разочарований в отдельных левобуржуазных писателях, заколебавшихся перед перспективой созыва конгресса почти на фронте антифашистской армии,и еще больше — великолепных неожиданностей, как прибытие делегатов из отдаленнейших уголков земного шара — из Мексики и государств Южной Америки.

Лицо конгресса определяется тем, что 60 процентов его делегатов имели за собой «стаж» испытанных ими политических репрессий.

Это все мужественные, закаленные борцы, известная часть которых обстреляна в сражениях империалистической войны.

Да и сам конгресс явился для многих подлинным боевым испытанием: ряду делегатов пришлось прорываться через полицейские кордоны.

★

1 июля делегаты выехали из Парижа в Испанию. По ту сторону испанской границы советских делегатов ждал восторженный прием со стороны населения. На первой же остановке, в Портбу, им пришлось на себе испытать, каким обаянием и ореолом в народных массах Республиканской Испании окружены слова: «Советский Союз, Москва, русский». Эти слова открывают двери, об'ятия и сердца простых людей Испании — солдат и командиров, рабочих, крестьян, молодых и стариков, женщин и детей. Здесь же советской делегации пришлось впервые встретиться с врагом: крейсер «Канариас» бил по пограничному местечку.

★

2 июля делегаты прибыли в Барселону. В Каталонии заметны анархистские и сепаратистские настроения, и это накладывает свою печать на революционный облик Барселоны.

Из Барселоны береговым шоссе делегаты проехали в Валенсию. Это прекрасный южный город. В центре города, на самой большой его площади — рынок цветов. В воздухе этой площади никогда не рассеивается аромат цветов.

Сейчас на город легли тени военных забот. Он переполнен людьми. Обилие военных. Везде плакаты, воззвания...

Советских делегатов поместили в гостинице «Метрополь». В одну из ночей началась тревога...Послышался гул приближающихся фашистских самолетов... Взрывы бомб и... массовая истерика петухов Валенсии и окрестных деревень...разбуженные, они кричали хрипло, надрывно.

На утро — первое заседание конгресса. Конгресс открылся в здании городского магистрата. Купол здания снесен бомбами. Приветствовал конгресс от имени испанского правительства премьер-министр Негрин. С ответной речью на испанском языке выступил Михаил Кольцов. Трепетную и скорбную речь произнесла Анна Зегерс... Когда она говорила о павших в борьбе с фашистами, конгресс слушал стоя.

Конгресс двинулся в Мадрид. На пути в Мадрид состоялась незабываемая встреча в Минкланилье. Женщины и дети (все мужчины на фронте) встретили делегатов пением «Интернационала». Пели вдохновенно, бурно, длительно, пели, плакали и обнимали посланцев 28 стран. Эта картина потрясла делегатов до глубины души.

Мадрид — это город с огромным героическим населением. Несмотря на близость фронта (он идет по окраинам), невзирая на воздушные налеты и обстрелы из тяжелых орудий, Мадрид спокойно, стоически делает свое дело. Нет беженской толпы, нет суеты, нет ни малейших следов паники. По утрам люди выходят на работу, трамваи движутся по графику, открыты кафе, рестораны, отличные магазины, регулярно выходят газеты, работают школы и новые для Мадрида социально-бытовые учреждения — читальни, детские дома и т. д. По городу раз'езжают агитационные грузовики. Никогда Мадрид столько не учился, не читал, как сейчас.

С разрешения командования ряд делегатов посетил окопы и части двух дивизий. Подлинный героизм проявляется республиканской авиацией ежедневно и ежечасно. Недаром слава ее признана во всем мире.

В Мадриде конгресс заседал в громадной аудитории одного из институтов. Зал был декорирован флагами и цветами. На стенах золотые надписи — имена писателей, павших смертью храбрых в борьбе за освобождение Испании: Фокс, Матэ Лукач и другие.

Конгресс пришли приветствовать делегаты армии, представители рабочих и общественных организаций, пионеры и раненые бойцы.

★

В один из вечеров группа советских делегатов направилась на передовые позиции. Республиканские войска вели наступление на Брунете. В то время как бойцы шли в бой, на полях убирали урожай. Характерно для героического напряжения испанского народа: площадь посевов в этом году не только не снизилась, но превосходит прошлогоднюю на 6—8 процентов.

Вместе с наступающими частями группа делегатов была в Брунете. Зной, серые раскаленные холмы, пулеметный огонь... Сколько незабываемых встреч с бойцами и командирами республиканской армии, с железными людьми из Интернациональной бригады! В ее рядах сражаются революционеры со всех концов мира. Одни из наиболее доблестных частей этой бригады — батальон Тельмана и батальон Домбровского. В бою мы видели и Людвига Ренна... Он шел высокий, чуть сгорбленный, шел ровно... Вчера он тоже был на конгрессе.

★

Дни пребывания конгресса в Мадриде ознаменовались грандиозным многотысячным митингом в кино «Саламанка».

На митинге делегаты, между прочим, познакомились с одним из славных бригадных командиров республиканской армии, с молодым композитором, не только прославившим оружие революционной Испании, но и подарившим ее многими, ставшими популярными в народе, песнями. Поистине чудесные метаморфозы может совершать революция: этот командир еще недавно принадлежал к цвету золотой молодежи Мадрида, считался эстетом и одним из самых изысканных людей его.

К конгрессу А. Жид выпустил вторую книжку клеветы на СССР. Испанские писатели выступили с резким протестом против этой клеветнической книжки. Она исполнена чудовищной и неумной клеветы. Так, в ней, например, рассказывается, что, когда красный командир появляется в каком-нибудь общественном месте, то все присутствующие обязаны встать во фронт с руками по швам.

Эти бредовые страницы заклеймил Хозе Бергамин — блестящий поэт Испании...

Делегаты конгресса покидали Мадрид с чувством преклонения перед этим городом, который, несмотря на жестокую, нечеловеческую борьбу, не утратил блеска, ясности, здоровья, культуры.

Революционная Испания и Мадрид вдохновили многих писателей. Мальро пишет сейчас роман об Испании. Проблематика: от хаоса к дисциплине. О бойцах Интернациональной бригады готовит книгу Виктор Финк.

Илья Эренбург в течение ближайших недель заканчивает также новую книгу об Испании. Книгу стихов об Испании даст А. Барто. Свои испанские дневники подготовляет к печати т. Вс. Вишневский.

С. ИППОЛИТОВ

Испанский коммунист Хозе Апкала Замора — портрет работы Ф. А. Модорова.

Ф. КЕЛЬИН

В гостях у Антонио Мачадо

Письмо из Валенсии

В десяти-двенадцати километрах от Валенсии есть небольшое село Рокфорт.

Это, в сущности,один из ее пригородов, соединенных с ней электрической дорогой. Поезда, состоящие из 3—4 разноцветных вагонов, идут медленно. В окнах виден все тот же пейзаж — зеленая равнина, покрытая виноградниками, низкорослыми апельсиновыми деревьями, высокими стеблями маиса. На горизонте маячат здания розового или желтого цвета, видны окрестные села, а еще дальше синеет цепь неровных, невысоких холмов.

Все тихо, и только гуденье самолета в синем испанском небе, таком густом и вместе таком прозрачном, да солдаты на станциях и в самих вагонах — напоминают вам, что вы на войне, что смерть здесь подстерегает из-за каждого холма, из каждого облака.

Дом, где живет Антонио Мачадо, расположен у самой станции. Последняя вся залеплена плакатами: здесь две руки ,соединившиеся в братском порыве, всадник на коне, напоминающий о необходимости создать крепкую армию, дети, убитые бомбами...

За станцией дорога идет в гору. По сторонам дороги — дома, при каждом—небольшой садик: здесь пальмы, высокие южные кедры, много жасмина и каких-то ярких малиновых цветов, которые никто мне не может назвать. Они покрывают густой массой все решетки, все заборы.

Вилла Мачадо носит красивое название: «Ампаро» — «убежище, защита». Она бело-желтого цвета, с красной черепичной кровлей. К зданию пристроена башня, напоминающая собою голубятню. Путник останавливается у зеленых ворот. Есть звонок, но он помещается так высоко, что приходится прибегать к помощи молотка, изогнутого в виде дельфина. Наконец ворота открываются: мелькает свежее девичье лицо:

— Дона Антонио сейчас нет, он вообще редко выходит, но сегодня он поехал в город, заходите позднее...

Я и мой спутник, поэт Пля-и-Бельтран (он живет здесь же в Рокфорте) возвращаемся к Мачадо на закате, когда на чудесную валенсийскую равнину спускается ясный вечер, тени становятся длиннее, как-то особенно весело журчит в канавах вода, и сильнее пахнут цветы.

Мы поднимаемся по высокой белой лестнице в дом. Туда открыт свободный доступ детям, цветам и животным. Куры смело входят и выходят из дома, во все окна лезут цветы, в темных прохладных комнатах мелькают веселые лица подростков. Это семья брата Антонио Мачадо, живущего вместе с ним.

Мачадо ждет нас в светлой столовой. За последние месяцы здоровье его сильно пошатнулось. Ноги плохо ему повинуются. И все же он привстает навстречу и любезным жестом просит нас садиться. У него доброе старческое лицо с крупными чертами и сетью красных жилок. Большие серые глаза. Седина никак не может победить черноту его волос. Он высок ростом, дороден, одет во все синее. Старомодное пенсне заложено за край его жилета. Когда с ним говоришь, он внимательно слушает, улыбаясь глазами и покачивая в такт речи головой. Впечатление большой доброты и благородства.

Я передаю ему привет от советских писателей. Мачадо, видимо, тронут. Он говорит о своей любви к Советскому Союзу, к нашей литературе.

— Еще сегодня, — замечает он тихим старческим баском, — я ездил в Валенсию в министерство народного просвещения с проектом создать в Испании особое издательство для советской литературы. Меня только беспокоит вопрос о переводчиках. У нас до сих пор переводят советские книги с французского. Получается очень плохо...

— Я хотел также, — продолжает он, — чтобы курс русского языка и литературы был введен во всех наших университетах...

Затем он начинает говорить о великом русском народе, об его дарованиях, о той роли, которую сыграл он в истории человечества...

Мысль его невольно обращается к русским писателям: к А. М. Горькому.

— Вы знаете, — замечает он, — ни один иностранный писатель не оказал здесь у нас такого влияния на молодое поколение, как Горький. Можно утверждать, что оно воспиталось на Горьком. И особенно наши писатели.

Мачадо живо интересуется советским театром. Он расспрашивает меня о Художественном театре, о Станиславском, о Мейерхольде... Он вспоминает о своих собственных пьесах — «Кузене Фернанде» и «Человеке, умершем на войне».

— Знаете, — говорит он, — эту пьесу у нас так и не решились поставить. Она показалась слишком резкой критикой существующего строя. Я написал ее вместе с моим братом Мануэлем. Если бы я был в Мадриде, я попытался бы разыскать оригинал и передал бы его вам, может быть им заинтересуются советские театры. Только вряд ли я его найду, — мой дом разрушен снарядами...

Минутное молчание. Мачадо смотрит в окно.

— Вы, — продолжает он грустно,— не увидите Сории, где я провел многие годы моей жизни, не увидите лучшей части Испании — Андалузии. Она сейчас во власти этих негодяев. Но я твердо верю в окончательную победу. Все должно в скором времени измениться... Наш народ — такой замечательный народ...

Я прошу у Мачадо разрешения навестить его еще раз, когда вернусь из Мадрида. Он крепко обнимает меня. Его лицо озаряется доброй, старческой улыбкой. Ноги плохо слушаются, но он непременно хочет нас проводить. Медленно выходит он на лестницу, опирается на перила, машет мне рукой.

Зеленые ворота запираются за нами. Вилла «Ампаро» — «Защита». От этой виллы действительно веет защитой всего того прекрасного, что таит в себе испанская культура.

Мы спускаемся по той же дороге вниз. Под навесом водоема уже не видно женщин; навстречу нам попадаются группы детей с черными блестящими глазами и целым лесом кудрявых непокрытых волос. Они о чем-то весело и быстро говорят.

Идут дружинники в коричневых, серых или синих комбинезонах... Идут бодрым шагом. Благоухают цветы. Быстро ложатся южные сумерки...

И вот мы снова на станции, густо облепленной плакатами. Круглые станционные часы показывают восемь. Мы пропустили поезд и нам придется ждать. Но ни я, ни провожающий меня Пля-и-Бельтран не замечаем времени...

Мы говорим о прекрасном человеке, с которым мы только что расстались. О прекрасном человеке и великом поэте. Мы вспоминаем всю его чудесную жизнь — жизнь поэта-интеллигента, отдавшего себя целиком на служение народу. Вспоминаем его «Поля Кастилии», где так верно передано скорбное величие его родины. Вспоминаем слова, произнесенные им на собрании Пятого Мадридского полка в ноябре прошлого года, его замечательное выступление в защиту испанской и мировой культуры на Втором международном конгрессе антифашистских писателей в Валенсии.

И мы оба думаем, что Мачадо прав. «Народная Испания должна победить и, конечно, победит»!

Август 1937 г.

А. БАРТО

Правда об Испании

Из блокнота писателя

Сейчас еще трудно говорить о переживаниях, которые дала нам республиканская Испания. Каждый из писателей — участников Второго международного конгресса расскажет в своих произведениях обо всем виденном и, прежде всего, о мужественном, простом, удивительно сердечном испанском народе, раскрывшем свои сердца и об'ятия для нас, делегатов конгресса.

★

На пути к Валенсии и Мадриду мы останавливались в маленьких деревушках, где встречали почти исключительно женщин и детей — мужчины ушли на фронт. Все население деревень немедленно окружало автомобили, в которых ехали делегаты конгресса. Старухи, рыдая, обнимали нас. Молодые женщины показывали нам фотографии своих мужей и братьев, ушедших на фронт. Дети бросались к нам на шею и плакали от радости.

Мы ехали по удивительно красивой стране. То перед нами вставал Кавказ, только еще более суровый. То вдруг прибрежные городки напоминали нам Крым — цветущий, весенний Крым... То мы попадали в средневековье — замки, крепости, узкие каменные улочки. Оливковые рощи, апельсиновые рощи, пальмы, — удивительно разнообразна эта замечательная страна.

★

Здесь я особенно поняла всю силу песни, когда впервые на испанской земле — в Портбу — делегаты конгресса вместе с встречавшим нас населением запели на разных языках «Интернационал». Испанский народ любит петь. И революционные песни звучат в Испании с исключительным чувством и под'емом. В детском доме под Валенсией, где живут дети, эвакуированные из Мадрида, изумительно пел восьмилетний мальчик. Сначала ребята пели хором. Потом маленький певец выступил вперед. Он захотел спеть один. Он пел не по-детски. Он пел лирическую песенку, но постепенно его голос креп и повышался, и песня становилась мужественной. Сначала глаза его горели слезами, потом он весь вытянулся, сжал руку в кулак и громко воскликнул:

— «Вива Испания! Вива Руссиа! Вива Сталин!»

В Мадриде мы слушали, как пели по вечерам бойцы и командиры, только что возвратившиеся с фронта. Мы слышали, как пела Пасионария, сидя за роялем. Она пела с двумя женами бойцов народной армии. Пели и делегаты Международного конгресса писателей, направляющиеся в автобусах в Валенсию и Мадрид.

★

Валенсия. Вечер. Звездное небо. Широкая площадь против городской ратуши. Посредине площади, под открытым небом, как в гигантской чаше — цветы. Это — рынок цветов. В этот день цветов было особенно много. Было воскресенье, и целый день над городом звучали музыка и песни. Вечером на каменных скамьях сидели юноши и девушки. Они держали друг друга за руки, смеялись, целовались. И если бы не патруль, который, проходя по площади, с явной неохотой спугивал парочки, проверяя у них документы, и если бы не погруженные в темноту улицы, нельзя было бы себе представить, что сегодня на рассвете этот город бомбили фашистские самолеты...

Выдержка и спокойствие испанского народа поразили нас.

В Портбу, в Барселоне, в Валенсии как бы часто ни звучали тревожные гудки сирены, сколько бы ни бомбили эти мирные города фашистские самолеты, население продолжает спокойно жить и работать. Ночью или на рассвете — бомбежка. А утром по городу попрежнему идут автобусы. На фабриках и в учреждениях работа начинается в обычные часы. В точно установленное время открываются магазины. Если обстрел города начинается днем, как это было в Барселоне, продавцы магазинов спускают железные ставни, но делают это так спокойно, как будто они закрывают магазин на обеденный перерыв.

★

Бойцы республиканской армии трогательно охраняют произведения искусства. Все памятники в Мадриде обнесены кирпичными прикрытиями и мешками с песком.

Я шла по Мадриду с одним товарищем — бойцом народной армии.

— Идите по этой стороне улицы,— говорил мне мой спутник. — На ту сторону часто попадают снаряды. Наши жители знают об этом и переходят на ту сторону только тогда, когда это крайне необходимо.

Мой спутник рассказывал:

— В этом разрушенном доме продолжает жить семья, в которой трое детей погибли под обломками. А вот здесь, рядом, осталась за старшую в семье одиннадцатилетняя девочка, ее отец погиб на фронте, а мать была убита на улице, когда направлялась за покупками. Здесь вот живет человек, потерявший всю свою семью: он ушел на полчаса из дома, и за это время его родные были убиты фашистским снарядом.

★

Испанский народ относится к детям с особенной любовью и трогательной, нежной заботой.

Во всех городах и деревнях живут сейчас дети, эвакуированные из мест, занятых фашистами. Мадридских ребят можно встретить в любой деревеньке на пути от французской границы к Мадриду.

— Мы — дети Мадрида, — с гордостью говорят о себе маленькие беженцы.

И испанские крестьяне, отказывающие себе во многом, охотно воспитывают этих сирот. Война и ненависть к фашизму об'единили испанских трудящихся; отсюда их удивительная сплоченность и дружба.

Я видела, как нежно относятся к детям бойцы испанской республиканской армии. Мне рассказывали, что как-то к одному полку, уходящему на фронт, пристал мальчик. Он догнал бойцов на велосипеде, причем сделал это очень хитро: он явился в полк только тогда, когда уже было невозможно отправить его обратно. И весь полк был озабочен судьбой этого мальчика. Его взяли с собой и относились к нему тепло и сердечно и опекали его в бою как могли. А через несколько дней мальчика живым и невредимым доставили домой к родителям.

Рассказывали мне также об одном бойце, которого называют в его полку «детским комиссаром». Он очень любит детей. Как только его полк останавливается в какой-либо деревне, он, не думая об отдыхе, сейчас же собирает ребят, поет с ними песни, пляшет и разучивает разные сказки. А прощаясь с детьми, он всегда берет с них слово вырасти стойкими бойцами за свою Испанию.

★

Среди маленьких испанцев много подлинных героев. Двенадцатилетняя девочка бежала из деревни, занятой фашистами. Она вела раненого старшего брата, а на руках держала маленького трехлетнего братишку. Им нужно было перейти вброд реку. Раненому было плохо, и девочка чувствовала, что, помогая ему, она не удержит малыша на руках. Она вернулась к берегу, оставила там трехлетнего братишку и затем перевела раненого через реку к посту республиканских солдат. Раненый был уже без памяти, девочка тоже потеряла сознание. Но как только она пришла в себя, она хотела сейчас же снова итти за маленьким братишкой. Она успокоилась только тогда, когда вместе с бойцами народной армии опять перешла реку и разыскала малыша.

★

Испанские ребята... В Валенсии, в детском доме, мы видели девочку, которая замечательно читала стихи. В этом детском доме все ребята наперебой хотели рассказать нам о том, что они пережили. И минуты, когда они рыдали и обнимали друг друга и прятали лица у нас в коленях, мы запомним на всю жизнь...

Испанским ребятам очень хотелось послать подарки советским детям. Но дарить им, собственно, было нечего. Тогда они собрали разноцветные ракушки на берегу моря и принесли их к нам.

Как-то вечером в Валенсии испанские пионеры пришли к дому, где остановились советские писатели. У них не было пропуска и, стоя на темной улице, они трогательно умоляли часового пропустить их к нам хотя бы на минуточку. Они принесли для советских детей целый ворох писем от испанских ребят.

...Никогда не забудутся многие речи, произнесенные на конгрессе. Я особенно отчетливо запомнила речь Густава Реглера, сказанную в Мадриде. Он только вышел из госпиталя, был еще слаб и говорил сидя. С какой огромной силой он говорил о своей Интернациональной бригаде, о писателях, которые пошли добровольцами в испанскую народную армию. Часть своей речи он посвятил светлой памяти генерала Лукача. Реглер говорил о твердой своей вере в конечную победу, о том, что каждый писатель-антифашист готов отдать Испании всю свою жизнь, свою кровь... Реглер доказал это на деле.

Исключительно сильно и убедительно говорил французский писатель Бенда.

Ярко, страстно выступал испанский писатель-католик Бергамин.

★

Наш долг — делегатов этого исторического конгресса — рассказать правду об Испании, о фашизме, зверствам которого нет пределов, об испанском народе, который ненавидит фашизм.

Германские бомбы, сброшенные над Мадридом и не разорвавшиеся. Испанский фото-плакат.

Я. ЭЙДЕЛЬМАН

Лицо фашизма

Испанский номер журнала «Знамя»

Номер шестой журнала «Знамя» в основном посвящен борьбе испанского народа за свою независимость. Здесь мы находим последнюю повесть Эптона Синклера «No pasaran!», два рассказа К. Паустовского и дневники итальянских чернорубашечников и немецкого офицера, попавшие в руки республиканцев.

Редакция журнала, судя по всему, отнеслась к своей задаче не формально, она не погналась за «количественными» показателями. В немногих, по существу, страницах журнала перед читателем раскрывается картина, полная самых разительных контрастов, картина, приобщающая нас к великим подвигам и героическим будням испанского народа и разоблачающая фашизм — часто показаниями его же выкормышей и адептов.

О повести Э. Синклера «No pasaran!» уже много писалось в советской печати (в том числе и в «Литературной газете»). На читателя эта книга произведет, несомненно, сильное впечатление своей страстностью и правдивостью. Весьма несложен сюжет повести, не нова разрешаемая в ней тема перерождения буржуазного интеллигента в активного борца за свободу человечества. Но ценность книги в том, что Синклер подходит к своей проблеме не отвлеченно, что он не пишет иллюстраций к готовым тезисам. Он показывает реальную действительность современной Америки, подлинные конфликты, имеющие место в этой действительности, он сильными и уверенными мазками зарисовывает звериный образ фашизма, показывает нам практику гитлеровской агентуры за океаном и настроения американских трудящихся в связи с событиями, происходящими в Испании.

Духом искреннего интернационализма, глубокой ненавистью к фашизму, сущность которого разгадана писателем до конца, пламенным сочувствием испанскому народу пронизана повесть Синклера «No pasaran!» Это о себе, о своих чувствах говорит Синклер, характеризуя состояние своего героя Руди Мессера на испанском фронте, где он сражается в рядах Интернациональной бригады:

> «В нем была ненависть к фашистам и к их подлым целям; в нем было прозрение правды, которая победит, и была любовь к этим отважным людям... Он любил это дело, которому они служили; великое дело, о котором будут рассказывать в веках! Они преграждали путь фашизму».

Тем же высоким пафосом насыщены слова, которыми Синклер заключает описание победы республиканских войск под Мадридом:

«В этот день человеческое достоинство нанесло удар Франко; нравственные чувства человечества нанесли ему удар; справедливость, наука и будущее человечества нанесли этот удар. Люди труда, люди, служившие поэзии, музыке, искусству, суровые и измученные, бесстрашно встречая пули, снаряды и страдания, готовы были умереть, но не уступить ни пяди земли тиранам, но не подчиниться реакции. Революционеры всех наций и народов провозгласили: «No pasaran!».

В повести Эптона Синклера есть, конечно, недостатки, коренящиеся в особенностях мировоззрения писателя, и критика их неоднократно уже отмечала. Но безусловно права редакция «Знамени», указывая в своем примечании к повести, что

«не этими недостатками определяется характер и значение книги, которая прозвучит как открытый и взволнованный призыв к народам всего мира о солидарности с испанским народом и о борьбе против фашизма».

В советской литературе испанская тема еще не прозвучала полным голосом. Если поэты пытались откликнуться на испанские события, то наши прозаики проявляли в этом отношении непонятную сдержанность. К. Паустовский — первый крупный писатель в СССР, взявшийся за актуальнейшую тему современности.

В шестой книжке журнала «Знамя» помещены два рассказа Паустовского — «Гончие псы» и «Потерянный день».

Эти рассказы далеко не равноценны. «Потерянный день» скорее всего приближается к типу очерка, написанного, правда, мастерски, с тем обилием тонких штрихов и поэтических красок, которые присущи этому своеобразному писателю. Автор, в порядке «проверки собственной памяти», описывает подробности одной своей прогулки в Крыму на автобусе. День казался потерянным, так как ничего незаурядного в пути не произошло. И только под самый конец прогулки писателю пришлось стать свидетелем волнующей сцены: автобус был остановлен в дороге татарином, который передал шоферу для доставки в город драгоценный груз— подарки от татарских детей детям испанских трудящихся. День не оказался потерянным.

Как видит читатель, тема, которой посвящен номер журнала, поставлена в рассказе вскользь.

Иначе обстоит дело с рассказом Паустовского «Гончие псы». Здесь Паустовский снова показывает присущее ему мастерское умение с удивительной скупостью и точностью давать характеристики своих персонажей и вести нить повествования. На материале испанских событий Паустовский с новой остротой ставит нестареющую проблему столкновения отвлеченной мысли с живой жизнью.

Восемь ученых, работающих во французской горной обсерватории на Пиренеях, заняты изучением звездных миров и не допускают мысли о возможности проникновения «посторонних» интересов в их уединение.

> «Нас осаждают ветры и снега,— говорит сейсмолог Дюфур: — миру нет дела до нас, и нам нет дела до мира. Люди безумствуют в долинах, но сюда им незачем подыматься. Здесь только звезды. Их нельзя перелить на орудия или добыть из них ядовитые газы».

Жители обсерватории настолько отрешены от мира, что «даже случайно прочитанные книги Мэро воспринимал как шум. Читая книгу, он, конечно, не слышал никаких звуков, но живо представлял их себе и сердился тем сильнее, чем больше было в книге сутолоки и громких разговоров».

Но горы и снега не защитили от жизни, полной противоречий и борьбы. Она ворвалась и в обитель астрономов, но «и то под видом смерти», горько иронизирует Эрве. Французский поэт Виктор Фришар, пытавшийся доставить из Парижа в Мадрид на самолете оружие для республиканцев, оказался застигнутым в горах ураганом. Его подобрали, раненного, окровавленного, и доставили в обсерваторию. Все усилия спасти его были тщетны. Поэт-летчик умер на руках у Мэро.

Такова была первая встреча с войной. Но не последняя. Фашисты, занявшие город в долине, узнали, что ученые приютили раненого французского летчика. И они направили туда карательную экспедицию. Они, однако, ошиблись, думая встретить покорных людей. Смерть Фришара, скромного героя, благородного идеалиста, ставшего революционером, не прошла бесследно: она уничтожила преграды, отделявшие ученых от всего мира, она зародила в их сердцах беспокойство и тревогу, желание стать ближе к людям. Они начинают понимать, «какая ничтожная величина наше звездное небо по сравнению с человеческим горем». Они начинают разбираться в логике событий, в связи явлений. Даже Дюфур, наиболее язвительный и непримиримый сторонник «чистой науки», отдает себе отчет, что главная угроза — это фашисты, что «придется защищать от них звезды».

И с оружием в руках, оставшимся в наследство от летчика, астрономы отбивают нашествие фашистского отряда. А через несколько дней Мэро и Ньюстэд оставили обсерваторию навсегда.

В рассказе «Гончие псы» сказалось серьезное мастерство художника, неутомимо работающего над собой. Об этом мастерстве свидетельствует едва ли не больше всего та сила, с которой писателю удалось очертить образ Фришара. Занимая очень мало места в рассказе, образ этот надолго входит в чувства и память читателя.

С большим интересом будут прочитаны и помещенные в «Знамени» дневники фашистов. Трудно дать этим холопам Муссолини более жестокую и исчерпывающую характеристику, чем та, которую они сами себе дают в своих повседневных записях. «Я знал, что фашисты жестоки и тупы, — пишет И. Эренбург в предисловии к этим дневникам,—я знал, что это варвары и насильники. Я не знал, до чего они ничтожны».

Бахвальство сочетается в дневниках римских «цивилизаторов» с цинизмом, человеконенавистничество — с ханжеством, солдафонская грубость — с божественным елеем. Имя дуче неизменно переплетается здесь с именами «героинь» из домов терпимости, патриотические клятвы — с признаниями в грабежах и мелком воровстве, выкрики о фашистской миссии — с презрительными аттестациями «франкистов» и с бранью по адресу всего испанского народа.

Таково лицо фашизма, нарисованное его же слугами и ландскнехтами: лицо хищного зверя, для которого не существует ничего святого, лицо всемирного громилы, мечтающего о кострах инквизиции, о возврате человечества в первобытное состояние.

Шестому номеру журнала «Знамя» обеспечен большой успех у широкого читателя.

И. СЕРОВ

Чем была «Кузница»

Литературно-политическая группа «Кузница», возникшая в конце гражданской войны, в первый период своего существования сыграла некоторую роль в собирании и об'единении сил пролетарской литературы.

Однако с первых же шагов своей деятельности «Кузница» неправильно ориентировала об'единяемые ею кадры писателей и в ряде своих документов проводила неверные, антиленинские литературно-политические установки.

Выйдя из недр Пролеткульта, «Кузница» восприняла от этой организации ее меньшевистско-богдановские взгляды, упорствуя в них вплоть до полного своего распада.

Наиболее ярко основные принципы «Кузницы» были выражены в статье Н. Ляшко об основных отличительных признаках пролетарской литературы, опубликованной в 1922 году. В качестве таких признаков Н. Ляшко выдвигал, во-первых, функцию организации «хаоса жизни» (что было целиком заимствовано из махистско-богдановской «организационной науки»), во-вторых, трудовую стихию и наделение даже явлений природы трудовыми процессами, причем труд трактовался только как физический труд. В качестве третьего признака выдвигался машинизм и металлическая тема, проникновение «в душу металлов, в их историю, в их интимный мир и характер». Наконец, четвертым признаком пролетарской литературы Н. Ляшко выдвигал коллективизм и планетарность.

Простое сопоставление этих положений Н. Ляшко с писаниями пролеткультовцев легко обнаруживает, что эти положения заимствованы у А. Богданова, Гастева и других, им подобных. Практически вся эта «программа» уводила писателей, находившихся под ее влиянием, от конкретно-исторической борьбы за социализм, от подлинных вопросов революции, переделки мира. Перед рабочим классом, руководимым большевистской партией, стояла задача овладеть всеми формами хозяйства, всеми отраслями человеческой деятельности, а «кузнецы» по-цеховому замыкали его в пределах физического труда. Перед рабочим классом и крестьянством стояли огромные задачи овладения культурой, воспитания и перевоспитания людей, а «кузнецы» требовали проникновения не в души людей, а в «души» машин и металлов. Ленин говорил о том, что «мы социализм протащили в повседневную жизнь и тут должны разобраться» [1], а «кузнецы» занимались космосом и планетарностью и трактовали коллектив как сборище «социальных автоматов», человеко-машин с однородным психологическим «комплексом». «В сознании пролетарского поэта, — писал Н. Ляшко, — пролетариат — это железный мессия...».

За такими абстрактными и громкими фразами исчезал и терялся в парах космических туманов тот реальный революционный класс — пролетариат, который переделывал мир, исчезали его конкретные задачи, дела и реальная природа.

Если обратиться к поэтам «Кузницы» и присмотреться к творчеству В. Александровского или докатившихся впоследствии до контрреволюции М. Герасимова, В. Кириллова, нетрудно увидеть, что их бесконечные воспевания трансмиссий, шкивов, маховиков, колес, труб, стали, железа не стоят ни в какой связи с действительной борьбой рабочих масс за свое освобождение, что эти колеса и маховики украшены декадентскими цветочками, мало того, все эти молоты и динамомашины сделаны из картона. Вполне закономерно, что с переходом к новой экономической политике мнимые революционеры Кириллов и Герасимов обнаружили свою глубокую чуждость пролетариату, свое упадническое нутро и принялись ныть и клеветать, клеветать и ныть.

Порочные взгляды «Кузницы» нашли свое выражение во всей ее практике. Начать с того, что с первых дней эта группа выступила как сугубо цеховая, сектантская организация. По отношению к прошлой культуре, накопленной человечеством, «Кузница» выступала с антиленинскими установками. «Искусство старого строя, — писала «Кузница» в декларации 1923 года, — вступило в фазу окончательного распада, мы поднимаем тяжелый рабочий молот— заколотить наглухо дверь этой жуткой «храмины», мы вбиваем последний гвоздь в крышку этой раскрашенной гробницы искусства». Таким образом, не усвоение, не переработку, не овладение всеми богатствами человеческого гения предлагали «кузнецы», а похороны этих богатств. Они разоружали этим рабочий класс.

По-цеховому, по-меньшевистски, с явным привкусом махаевщины, относились «кузнецы» к писателям из среды буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции. Вместо того чтобы завоевать лучшую часть этих писателей и повести ее за собой (что и было достигнуто вопреки «Кузнице» в результате правильной литературной политики нашей партии), «кузнецы» заранее отбрасывали их. В декларации 1923 года они писали о том, что эти писатели «в прошлом не имели связи с пролетариатом, чужды его практике, его устремлениям, его идеологии», а потому они «бессильны оформить творческий материал, вывернутый землетрясением Октябрьской революции». Они повторили это утверждение в декларации 1929 года, когда писали, что эти писатели «не в силах слиться с рабочим классом в его революционной борьбе за утверждение социализма в нашей стране», что они «живут в собственных сумерках».

Совершенно по-цеховому, по-меньшевистски подходила «Кузница» и к вопросу о крестьянстве. Ни о союзе с ним, ни о руководстве им нет и речи в теоретических измышлениях «кузнецов». Они совершенно игнорировали вопросы, связанные с выдвижением ряда писателей из среды крестьянства, и не занимались ими. В декларациях 1921 и 1923 гг. об этом ни звука, как будто бы ни крестьянства, ни проблемы пролетарского руководства им вообще не существовало. За планетарными взлетами, за котлами, трубами и металлическими темами «Кузница» «проглядела» вопрос о крестьянстве, по-меньшевистски третировала его.

Всю советскую литературу, кроме творчества маленькой горсточки своих членов, «Кузница» отрицала. «Белинских нет. Над пустыней искусства — сумерки» гласила декларация «Кузницы» 1923 года. Только мы-де, «кузнецы», подымаем «красный флаг в пустыне». «Кузница» ухитрилась в этой же декларации, вопреки Ленину, зачислить М. Горького в ряды непролетарских художников.

Меньшевистски - трэдюнионистская трактовка задач пролетарской литературы привела «кузнецов» и к тому, что еще до Переверзева они в декларации 1923 г. об'явили художника «медиумом своего класса», подменяя ленинскую теорию отражения меньшевистско-идеалистической теорией выражения. Нечему удивляться после этого, что уже в 1930 году один из лейб-критиков «Кузницы» Е. Чернявский в журнале «Пролетарский авангард» взял Переверзева под защиту, об'явив его «крупнейшим марксистом-литературоведом».

Замкнувшись в узкую секту «мастеров» и все более уклоняясь от путей развития советской литературы, «Кузница» не вела борьбы с троцкистско - воронскими «теориями» и, наоборот, пыталась сблокироваться с Воронским, не вела борьбы с переверзевщиной и, наоборот, пыталась взять под защиту Переверзева.

Внутри «Кузницы» насаждалась неприкрытая групповщина, не развивалась вовсе самокритика, культивировалось рекламное самовосхваление. Пресловутый лже-профессор Ефремин был одно время членом «Кузницы» и ее ведущим критиком. В своей книжечке «Пять портретов» он писал о Г. Никифорове, что «со сжатыми челюстями и с горящим взором ходит Никифоров по улицам города». «Рассказ о кандалах» Н. Ляшко напоминал Ефремину «лучшие произведения Горького». О В. Бахметьеве Ефремин писал, что «Преступление Мартына» «построено в напряженном темпе, чувствуется вибрация революции, и это хорошо, но многочисленные страницы отягощены долгими разговорами, и это плохо». Ф. Березовского Ефремин называл «неутомимым правдоискателем» и сравнивал с Толстым и Достоевским. «Кузнецы» и не подумали о том, чтобы дезавуировать эти чудовищные благоглупости, и принимали их как должное.

Время от времени «Кузница» переживала расколы и отходы от нее той или иной группы членов. Время от времени, под напором критики, под давлением событий она пересматривала и подновляла свою платформу, пытаясь сохранить в неприкосновенности все тот же «динамизм», ту же цеховщину, то же меньшевиствующее сектантство. Теряя связь с жизнью страны, с революционной действительностью, с литературной общественностью, «Кузница» в то же время пыталась компенсировать свою оторванность обращением к рабочим литературным кружкам. Предвосхищая вредительски-авербаховский лозунг «призыва ударников в литературу», «Кузница» в феврале 1930 года выдвигала важнейшим условием своего слияния с РАПП «орабочивание рядов РАПП».

Развитие советской литературы под руководством большевистской партии пошло, разумеется, вопреки трэдюнионистским установкам «Кузницы» и привело «Кузницу» к бесславному концу. В 1930 году «Кузница» окончательно раскололась, и верными ее потрепанному «знамени» остались только некоторые упорствующие «могикане».

Вскоре после этого «Кузница» влилась в РАПП, сопровождая это вступление всевозможными маневрами и попытками сохранить свои «взгляды», дискредитированные всем ходом развития советской литературы. Авербаховско-троцкистская группка по самой своей троцкистской природе была неспособна дать правильную оценку «теорий» и практики «Кузницы», ибо сами авербаховцы питались из того же источника, что и «Кузница», росли из тех же меньшевистских теорий. Между тем декларации «Кузницы» и ее практика свидетельствуют о том, что это была меньшевиствующая, антиленинская литературно-политическая организация. Задача нашей критики — на творчестве отдельных участников этой группы показать, как в нем проявились порочные установки «Кузницы». Было бы ошибкой считать, что «установки» этой группы не живут еще в творчестве писателей, находившихся под ее влиянием.

[1] В. И. Ленин, т. XXVII, стр. 366.

— А чьи все эти книги?
— Мои! — ответил Павел.

Издательство «Academia» выпускает **«Мать» М. Горького с иллюстрациями Б. В. Иогансона.**

Травля Горького в царской России

За время с 1898 по 1903 г. семь книг Горького (пять томов рассказов и пьесы «Мещане» и «На дне») разошлись в количестве около 450.000 экземпляров. Это был невиданный для России писательский успех.

Этот успех молодого писателя был настолько удивителен и настолько испугал реакционные круги, что эти круги немедленно попытались развенчать славу Горького. Меньшиков («Неделя», 1900, № 9) пытался доказывать, что Горький, хотя в нем и виден некоторый талант, обязан своей славой преимущественно наделавшей много шуму автобиографии.

Однако, критика из другого лагеря тогда же опровергла эти потуги реакционных борзописцев, указав, что автобиография Горького появилась в печати лишь в конце 1899 года («Семья», № 35), а произведения его обратили на себя внимание уже за несколько лет до этого. Тогда же было подчеркнуто, что Горький при вступлении в «большую литературу» был сразу признан не только читателями, но и самой критикой: за время с 1895 по 1900 год о Горьком было написано в русской и заграничной печати около 100 статей.

Реакционные круги царской России сразу почувствовали, что творчество Горького — это не просто «романтическая игра», а настоящая революционная проповедь. Критик из архиреакционного «Русского вестника» Н. Я. Стечкин прямо писал: «Он (Горький) в таких вещах своих, как «Буревестник» и «Человек», под ложно-поэтической формой скрыл призыв к восстанию против существующего уклада жизни, влил отраву растления и бесплоднейшего противления всему сущему... Все эти Орловы, Коноваловы, Ежовы, Гордеевы — только аксессуары, гарнир к горькому блюду похода на существующий строй. Без них проповедь М. Горького была бы похожа на прокламацию, призывающую к насильственным действиям, и не могла бы получить желаемого автором распространения. А в том виде, как проповедь эта преподнесена теперь, **она легко усвоется читателем сквозь призму повествовательного приема».**

Но еще больший ужас охватывает «православного христианина» и ревнителя собственности, когда он вспоминает о «чрезвычайном успехе, какой имела драма Горького «На дне» в исполнении московской труппы г.г. Станиславского и Немировича-Данченко».

Каких только грязных обвинений не возводили на Горького, чтобы очернить его имя в общественном мнении. Пустили даже слух, что вся биография Горького выдумана, что он вовсе не пролетарий, а «посланец и уполномоченный франкмасонства и еврейства...».

Когда же легенда о Горьком — «уполномоченном франкмасонства» не вызвала желательного поворота в общественном мнении, тогда решено было прибегнуть к старому испытанному средству. Тогда выступил царский прокурор и за первую часть романа «Мать» (опубликованную в сборниках «Знание» в 1907 г.) привлек к уголовной ответственности «нижегородского цехового малярного цеха мастера Алексея Максимовича Пешкова (Максима Горького) за распространение сочинения, возбуждающего к совершению тяжелых преступных деяний, вражды со стороны рабочих к имущим классам населения, подстрекающего к бунту и совершению бунтовщических деяний».

Критики из «Нового времени» и «Русского вестника» должны были быть довольны. Однако, Горький был по счастью в это время за пределами царской России, и рука, готовая его схватить, повисла в воздухе.

ВЛ. Н.

Заметки писателя

Ю. ОЛЕША

Дневник Стендаля

В четвертом номере «Интернациональной литературы» напечатано несколько страниц из дневника Стендаля.

Они замечательны, как и все, что написал этот удивительный человек.

Особая их ценность в том, что в них Стендаль высказывается о литературе и театре.

Получается своеобразное впечатление, когда читаешь эти страницы. На первый взгляд, это—ряд критических заметок. Молодой Стендаль посещает театры и потом пишет в своем дневнике нечто вроде рецензии.

Например:

> Тальма играет Сида не очень хорошо. Ему недостает одного— смелости быть естественным.

Но в этих рецензиях так сильно проявляется личность автора, что, соединенные вместе, они создают яркий человеческий образ, создают героя. И дневник таким образом становится похожим на роман. Да, это роман! Роман о молодом человеке, который приехал в Париж, чтобы завоевать славу. Каждая критическая заметка полна тайных замыслов. А замыслы эти — писать лучше, чем все, «сделаться великим поэтом».

Стендаль полон сил. Он высокомерен. Послушайте, что он говорит:

> Я ставлю ее (трагедию Корнеля «Родогуна»—**Ю. О.**) сразу же после «Андромахи» и «Федры»; таким образом по степени красоты она является четвертой или пятой французской пьесой.

Я ставлю ее. Собственная оценка кажется ему единственно правильной, абсолютной.

> Шекспиру, такому естественному, страстному и такому сильному, недостает только сценического искусства Альфиери и корнелевского умения писать стихи, чтобы достичь вершины совершенства.

Так свободно рассуждает он о Шекспире. Претит ли нам это? Нет! Мы чувствуем, что это голос человека, имеющего право говорить. И он об'ясняет нам, откуда у него это право:

> Впрочем, все, что я только что написал, не было бы понятно Тенсену или кому-либо другому, если б я им это сказал. Они не видят вещей, на которых основана эта истина. В этом нет ничего удивительного. **Они ведь не думали о них с самого детства, как я.** (Подчеркнуто мною. — **Ю. О.**).

Многому Стендаль поклоняется, многое восхищает его, однако какое бы произведение он ни разбирал, он почти всегда замечает:

> —Я чувствую, что мог бы сделать много лучше.

Он исправляет **про себя** почти все чужие произведения! Раз десять встречается в дневнике это слово: переделать. Он переделывает Мольера, Корнеля, Вольтера.

Какие надо ощущать в себе силы, чтобы в программу будущей деятельности включать не только свои замыслы, но еще и переделку чужих, уже прославленных, уже признанных совершенными произведений. Причем это желание переделать никогда не сопровождается у него иронией или раздражением. Нет, это высказывается весело, с энергией.

> В «Сиде» многое можно исправить: стансы в конце первого акта—это только рассудочные мысли человека о движениях его сердца, значит он взволнован не весь. Химена сразу же начинает обращаться к Сиду на «ты», а потому нет этого чудесного смешения «ты» и «вы».

Переделать!

Ни больше, ни меньше, как переделать «Сида»!

Об одной «ничего не стоящей» пьесе Стендаль говорит, что не мешает ее переделать, **чтобы иметь удовольствие видеть ее на сцене.**

Вот какое хозяйство было у этого человека!

Он заявляет, например, что мог бы переделать много сюжетов Гольдони на французский лад. И притом его пьесы **ничего не имели бы общего с пьесами Гольдони.**

Стендаль связан для нас с Толстым. Толстой сам говорит о том влиянии, которое оказал на него Стендаль. Примеры известны. В «Пармском монастыре» юноша Фабриций мечтает увидеть Наполеона. Ради исполнения этой мечты он идет на рискованную авантюру. Но в тот момент, когда судьба показывает ему Наполеона, юноша пьян и даже не знает, что в группе всадников проскакал перед ним Бонапарт.

Толстого поразила эта сцена. Она была «в его духе». И впоследствии она проступила в «Войне и мире». Образ Фабриция на поле Ватерлоо родственен образу Пьера Безухова на поле Бородина. Также много общего между поведением затесавшегося в битву Фабриция и экзальтацией Николая Ростова, наблюдающего свидание монархов в Тильзите. Об этом писалось не раз. Теперь возьмем дневник. Разве не характерно и для Толстого это желание исправлять, переделывать? Разве Толстой в глубокой старости не занимался тем, что ставил отметки авторам, которых прочитывал? Причем произведения разбирались по отрывкам, и за каждый отрывок автор получал особую отметку. Известно, что Толстой переделал рассказ Мопассана «Порт» в рассказ «Франсуазу».

Излагая содержание «Короля Лира», Толстой замечает относительно одной из сцен:

> В этом четвертом действии сцена Лира, с дочерью **могла бы быть трогательна,** если бы ей не предшествовал в продолжении трех актов скучный, однообразный бред Лира.

Сцена могла бы быть трогательной. Не значит ли это, что Толстому захотелось самому написать заново эту шекспировскую сцену?

Какое ревнивое отношение к литературе!

То же и у Стендаля:

> Я переделывал про себя каждую деталь пьесы во время игры.

Каждую деталь!

Эти два писателя более, чем кто-либо, были именно—**профессионалы.**

Определяя, в чем причина успеха одной пьесы, Стендаль говорит, что в пьесе идет речь о жизни, а жизнь любят все.

Стендаль был участником наполеоновской эпопеи. Он не создавал ее, он был захвачен ею и двигался вместе с ней.

> Мы совсем близко видели Бонапарта. Он проехал верхом в пятнадцати шагах от нас, он был на прекрасном белом коне, в красивом новом костюме, в шляпе без украшений, в форме полковника своей гвардии с аксельбантами. Он много раскланивался и улыбался. Театральная улыбка: показывает зубы, а глаза не смеются.

Таков портрет Наполеона, созданный молодым Стендалем. Дата записи—1804 год, 14 июля. Уже все есть в этом отрывке, что впоследствии делает Стендаля великим писателем-реалистом.

Следует всем, особенно тем, кто занимается литературой, прочесть эти страницы дневника Стендаля. Прочесть с тем ревнивым отношением к литературе, которое так поразительно в авторе дневника.

А. МАКАРЕНКО

Закономерная неудача

«Закономерность» Н. Вирта берешь в руки с большим интересом. Вызывают его и предыдущая удача автора, и тема нового романа.

Действительно, тема чрезвычайно важная: пути врагов, их зарождение, приемы действий врага и закономерность его гибели. Тема важная, чрезвычайно важная. Художественное произведение, написанное на такую тему, должно обогащать наши познания, воспитывать нашу бдительность, заострять нашу ненависть.

Н. Вирта с этой темой не справился. Он подошел к ней без достаточный знаний, без уважения к теме, без уважения к читателю. Необходимой серьезности не нашлось и у его редакторов.

На протяжении 30 печатных листов изображается захолустье, а на его фоне — история группы детей из контрреволюционного стана. История эта переплетается с работой троцкистских групп, диверсантов, кулаков.

Как все это изображается?

Дело происходит в городе Верхнереченске, в наше советское время. Город находится недалеко от Тамбова.

> «Губернский город Верхнереченск, если верить летописцу, был заложен на берегу реки Кны в семнадцатом столетии, и в течение многих лет служил сторожевым пограничным пунктом великого княжества Московского».

Город, заложенный в семнадцатом столетии в бассейне Волги, не мог быть пограничным пунктом, да еще великого княжества Московского, а летописцы в это время вообще не выступают свидетелями.

Каков город, таковы и герои.

> «Евгений Игнатьевич Ховань был большой фигурой при последнем Романове».

Через двенадцать строчек:

> «Евгений Игнатьевич был неудачник. С карьерой ему не повезло, он дослужился лишь до полковничьих эполет, хотя был умнее многих генералов».

В особенности глубокомысленно здесь звучат слова насчет ума генералов. И таков стиль всей книги. Авторский произвол, безмятежная неряшливость, пренебрежение к читателю. И все это без злого умысла, нечаянно, как будто и автор и редактор заигрались, как дети. Иногда эта игра вызывает снисходительную улыбку, иногда раздражение, но серьезно относиться к ней невозможно. И все-таки: игра происходит на большой литературной советской дороге, место — для игры совершенно неподходящее. И поэтому на каждом шагу происходят несчастные случаи.

Вот Алексей Силыч — председатель ревкома, «небольшой, жилистый и пожилой уже человек». Он «несколько раз допрашивал Льва об отце. Лев упорно стоял на своем: он не знает, где скрывается Никита Петрович».

Председатель ревкома, да еще пожилой, казалось бы, достаточно солидный персонаж, но и его привлекли «играться». И он играет. На четырех страницах Алексей Силыч буквально исповедуется перед тем самым недорослем, которого он еще недавно допрашивал. Исповедуется в довольно «душевных» тонах.

> «Смеяться разучился, ей-богу. И природу начал очень остро чувствовать. Сидел вот тут и мечтал о всяких, знаете, странных вещах. Например, хотел забраться на небо и посмотреть оттуда на людей. Веселое, должно быть, зрелище. Старею, вот и мечты появились».

Этот стареющий, и мечтающий, и болтающий предревкома в романе вообще не нужен. Просто пришла автору блажь: пусть такой предревкома играет с нами.

Когда обнаруживается, что в окрестностях скрывается бандит-антоновец Сторожев, предревкома не принимает никаких мер, что-то бормочет, ему и в голову не приходит, что бандита мог спрятать тот самый Лев, которого он несколько раз допрашивал.

И после этого Алексей Силыч исчезает из романа. А в конце романа снова появляется, уже в роли начальника ГПУ в Верхнереченске. Но этот новый Алексей Силыч никакого отношения не имеет к старому, это совершенно другой человек, с другим характером.

Есть группа героев, которые из игры не выходят. Это дети: Виктор Ховань, Андрей Компанеец, его сестра Лена, Женя Камнева, Джонни и Коля Зарьев. С ними игра затевается серьезная и по всем правилам литературы. Описываются родители, няни, дяди, условия воспитания. В этом описании автор не жалеет ни слов, ни бумаги, ни читателя. Неудачника царедворца мы уже видели. А вот Сергей Петрович Компанеец.

> «Он думал об одном: как бы оторвать Украину от Москвы и завести в ней европейские порядки. Когда товарищи резонно указывали ему, что украинский народ и сам может быть хозяином на своих полях и что не в отделении дело, Сергей Петрович лишь ругался, так как никаких твердых убеждений не имел».

Чем не портрет? И «думал только об одном», и «убеждений не имел». И все это ни к чему. Не имеет это значения ни для самого Компанейца, ни для его детей. Просто к слову пришлось. Через десять строчек сказано, что «мечты о вызволении Украины он тотчас забыл», но и этому не верьте; на следующей странице он снова мечтает.

Таких страничек, случайно подвернувшихся под руку, ненужных характеристик, лишних диалогов в романе очень много.

Но главные герои все-таки иногда появляются на поверхности. Читатель встречает их во втором классе гимназии. Но уже через несколько страниц они выступают как персонажи более взрослые. Читателю трудно разобраться в их личных характерах, так как автор любит поворачивать их по первому капризу, как придет в голову.

К примеру, Джонни:

> «Казалось, не было в гимназии мальчишки острее и изворотливее». «С теми, кто его третировал, он расправлялся безжалостно. Он знал десять способов, любой из которых мог извести каждого...».

Все это напечатано черным по белому, но этому не нужно верить. В любой момент автор захочет и переделает, и даже сам этого не заметит: через несколько страниц Андрей отнимает у Джонни пистолет и... ничего не происходит.

> «Джонни хотел было зареветь, но в разговор вмешалась Лена.
> — Отдай, — сказала она Джонни, — он уже намок...».

И это пройдет бесследно, Джонни будет выступать с новыми чертами.

Главной сюжетной линией автор хочет сделать длительную игру, организуемую Опанасом. Опанас — неряшливый во всех отношениях человек, автор относится к нему также неряшливо. На протяжении всего романа все герои относятся к Опанасу презрительно, но это не мешает ему быть руководителем этой группы молодежи. Почему? Неизвестно почему. Никаких данных для этого у него нет.

На нескольких страницах в романе проносится восстание, руководимое «неудачным царедворцем» Хованем, — отголосок антоновщины.

Опанас водил по городу бандитов и указывал им квартиры коммунистов. Все об этом знают. Но дело оканчивается таким детским диалогом:

> «— Опанаса выпустили, — сказал между прочим Джонни.
> — Откуда? — изумился Виктор.
> — Из тюрьмы. Кто-то донес, что он указывал бандитам дома коммунистов. Ох, и похудел же он!
> — И вообще стал другим, — прибавила Лена».

Читатель, не верьте этому. Опанас и не похудел и не стал другим. Все это нарочно. Литературная игра.

Она продолжается:

> «Повидимому, она (Лена) догадывалась, что Виктор переживает внутреннюю борьбу между чувствами к ней и к Жене Камневой.
> Николай Опанас, зная обо всем этом, решил предложить ребятам новое занятие».

В таких невинных словах начинается новая игра в «круг вольных людей». Автор делает вид, что это игра опасная, с политическим привкусом. Но игра нигде не описывается, автору некогда. Следует новый авторский каприз: вся группа ребят увлекается драмкружком, все оказываются талантливыми актерами, и советская власть отдает в их распоряжение городской театр. Быстро, дешево, увлекательно! Кто там еще играет в театре — автору не интересно, да и читатель уже приучен к тому, что судьба играет человеком.

Но вот выдвигаются новые силы, во-всю разворачиваются «подвиги» главного героя романа — Льва Кагардэ. Эта фигура — соединение всех пороков: мститель, развратник, бандит и вор. Как сформировался этот гнусный человек — в романе не показано, хотя Н. Вирта описывает множество эпизодов детства и юности Льва. А когда Лев начинает свою контрреволюционную работу — совсем уже законспирирован внутренний мир его. За Кагардэ стоит кто-то таинственный, не разберешь — кто. Лев пропадает несколько лет за границей, не разберешь — где. К нему приезжает роковой «одноглазый». Замогильными голосами они разговаривают. А разговор такой:

> «— Вы сообщили, будто бы есть какие-то шансы в деревне?
> — Так точно! Мне кажется, в партии начинается борьба вокруг деревенских дел. Вероятно, будет принята очень суровая линия, — кулаки мешают Советам. Советы стараются убрать кулаков.
> — Не перестреляют же они их?
> — У них новый термин — коллективизация».

Не правда ли: любопытные враги, которые из-за границы прут через весь Союз, чтобы в Верхнереченске прослушать элементарную беседу о том, что Советы стараются убрать кулаков, и что есть такой термин «коллективизация»...

Показываются в романе и троцкисты. Их представляет, главным образом, начальник угрозыска Богданов. И Богданов и остальные троцкисты в романе очень глупы, комичны и болтливы. Богданов настолько глуп и нерасторопен, что, будучи начальником угрозыска, не может найти даже помещения для подпольного собрания троцкистов, и доверчиво принимает совет Льва собраться в театре. Аргументы Льва, правда, очень убедительны: от трех до шести в театре никого не бывает. И «доверчивые», «наивные» — по представлению автора — троцкисты устраивают подпольное собрание в театре, на виду у актеров и всего города. Эти доверчиво-глупенькие троцкисты показаны, впрочем, и с другой стороны — как бандиты, но сделано это весьма наивно.

Мы прекрасно знаем, до каких бандитских и шпионских преступлений докатились троцкисты. Но ведь роман описывает события 1927—28 гг. Писатель должен показать здесь закономерность эволюции троцкизма, проследить те черты, которые уже тогда предопределяли эту эволюцию. По Вирта выходит, что между троцкистами 1927—28 гг. и современным троцкизмом нет никакой разницы. Облик современных троцкистов он механически переносит в обстановку 1927—28 г.г. Вирта не показывает превращения вредного антиленинского политического течения в беспринципную и безыдейную банду разбойников с большой дороги, наемников германской и японской фашистских разведок. Таким образом, читатель не получает представления о троцкистской контрреволюции.

Неправильность показа сказывается и в деталях. Художественное произведение не имеет права оперировать заезженными средними понятиями, это право принадлежит только лубку. А вот, например, детали того же подпольного собрания троцкистов:

> «— Не велено пускать, — сказал один из патрульных, здоровенный детина, похожий на грузчика».
> «Около телефона сидел тип, столь же подозрительный, как и охранявшие вход в театр. Щека этого человека была подвязана грязной белой тряпкой.
> Джонни подошел к телефону. Тип загородил аппарат.
> — В чем дело? — спросил его Джонни.
> — Позвонишь завтра, — ответил тип и сплюнул.
> — У меня дома больные.
> — Не сдохнут, — ответил тип и, взяв Джонни за шиворот, выставил его из канцелярии».
> «Патрульные засучили рукава. Сергей Иванович посмотрел на их кулаки, в кулаках были зажаты свинчатки».

Что это такое? Подпольное собрание троцкистов в 1927 году? Нет, т. Вирта, это было совсем не так, другой стиль, т. Вирта!

Потом эти «дурачки» собираются в лесу, но группа подростков разгоняет их несколькими криками. Несмотря на это, «доверчивый» Богданов устраивает тайную типографию в помещении, предоставленном Л. Кагардэ. Впрочем, деятельность типографии оканчивается в опереточном жанре: печатается об'явление **«мобилизация»** — завтра представление в цирке! На базаре паника. Автор хочет: такой веселый этот враг и диверсант Лев Кагардэ.

Конец романа наполнен громом событий. Здесь уже автор разыгрался во-всю. Ограбление кассира, покушение на убийство секретаря губкома, авария на электростанции, пожар поезда. Все это устраивается всемогущим Львом; впрочем, устраивается без особого напряжения.

Чтобы ограбить кассира, Лев Кагардэ пускает в дело только что привезенного из деревни мальчика. Кассира ограбили, и мальчик — снова, как мальчик — милый ребенок. Совсем удалить его со страниц романа тоже нельзя: он еще пригодится для покушения на убийство секретаря губкома. Такие тринадцатилетние мальчики для этого дела самый подходящий элемент, особенно, если дождаться, когда мальчик заболеет и будет в бреду. Как это не похоже на подлинные дела троцкистских террористов!

Конечно все происки Льва Кагардэ оканчиваются пустяками. Как только начали гореть вагоны, Сергей Иванович, секретарь губкома, крикнул:

— Немедленно вызвать пожарную команду!

И это — все. Настоящей борьбы партии с троцкистскими прохвостами в книге нет. Все устраивается само собой. И опять множество несообразностей. Начальник ГПУ знает, каким поездом уедет из города Лев, а вот о диверсии на электростанции и о предполагаемом поджоге поезда ничего не знает.

В конце романа, описывающем события 1928—29 гг., Лев Кагардэ показан как полностью разбитый и уничтоженный враг. Все его резервы исчерпаны, все «кадры» уничтожены. Похоже ли это на реальную действительность?

Всего не перескажешь. Пути верхнереченской жизни очень запутаны. Нет там только одного: нет закономерности и нет простого чувства меры.

На некоторых страницах, в особенности в картинах деревни, ясно виден энергичный талант молодого писателя; тем более незакономерно с его стороны и со стороны его редакторов так небрежно и легкомысленно относиться к этому таланту.

На этот раз хочется только небрежностью об'яснить весь этот несчастный случай. Об'ективно же мы должны понимать: иной молодой читатель пропустит все неувязки и несуразности текста, а вот эта бесконечная картина пустой игры в контрреволюцию, перемешанной с любовными приключениями, может и запомниться.

Еще опаснее та комически-пинкертоновская возня, которую автор хочет представить как работу троцкистов. Мы уже хорошо знаем, что такое троцкисты, с кем они связаны и на что они способны. В интересах повышения нашей бдительности недопустимо подменять это знание легкомысленной и безответственной выдумкой, изображающей врага народа как глупого и бестолкового чудака.

Легкомысленное отношение к важнейшим и ответственнейшим темам нашей жизни и борьбы, попытка подменить серьезную работу скороспелым лубком — вот что определило неудачу романа Вирта.

Н. Вирта. Закономерность. «Знамя» № 2, 3, 4 за 1937 г.

АНТИРЕЛИГИОЗНЫЕ СТИХИ В. МАЯКОВСКОГО

Рисунок В. Маяковского.

Наши поэты очень мало внимания уделяют вопросам антирелигиозной пропаганды.

Можно думать, что проблема эта снята с «повестки дня». Вредная, ни на чем не основанная успокоенность! Печать ежедневно сообщает о той активности, которую развивают в последнее время всякого рода церковники в связи с предстоящими выборами в Верховный Совет СССР и в местные советы. Известно, что церковь лучший союзник контрреволюции, что религия—удобнейшее прикрытие для врага, ведущего свою гнусную «линию» подрыва и провокаций.

Вот почему необходимо оружием художественного слова беспощадно разоблачать попов и сектантов всех мастей, пресекать в корне всякую попытку одурманивать массы религиозной фразеологией.

В этом смысле нашим поэтам есть чему поучиться у В. В. Маяковского. Об этом напоминает им сборник антирелигиозных стихов Маяковского, выпущенный на-днях «Молодой гвардией» массовым изданием.

Читаешь сборник, и порою не верится, что имеешь дело со стихами, написанными лет пятнадцать назад,—настолько они свежи и актуальны, почти злободневны, настолько велика еще их обличительная сила. Маяковский был одним из немногих поэтов, который понимал, что нельзя пассивно наблюдать происки попов, занимающихся уловлением душ, что

Бога
нельзя
обходить молчанием,—
с богом пронырливым
надо
бороться!,

что нужно разрушать поповскую романтику, проникающую порою и в поэзию

Про этого самого
хитрого бога
поются
поэтами
разные песни.
Окутает песня,
дурманом растрогав,
зовя
от жизни
лететь поднебесне.

Зло, издевательски, строками, разящими, как стрелы, развенчивает Маяковский этих «божественных» поэтов и разоблачает истинное нутро всех тех, кто заинтересован в утверждении религии.

Мимо поэта не проходят уловки всех этих мракобесов, принимающих, когда это нужно, разные обличья, но осуществляющих одно дело:

Хоть вешай
замок
на церковные туши,
Хоть все
иконы
из хаты выставь,
вранье
про бога
в уши
и в души
пролезет
от сладкогласых баптистов.
Баптисту
замок
повесь на уста,
а бог
обернется
похабством хлыста.
А к тем,
кого
не поймать на бабца,
господь
проберется
в пищаньи скопца.

Маяковский высмеивает идиотские обряды, стараясь вызвать к ним даже физическое отвращение («Кому и на кой ляд целовальный обряд»), он сурово бичует суеверия, наглядно показывая, что они ничего, кроме вреда, народу не приносят и что выгода от них только попам («От примет, кроме вреда, ничего нет», «Прошения на имя бога — не подмога», «Крестить—это только попам рубли скрести»). Он противопоставляет религии и церкви — науку, единственно дающую средства для борьбы со стихийными бедствиями, эпидемиями и т. п. («Про Феклу, Акулину, корову и бога», «Ни знахарство, ни благодать бога — в болезни не подмога»).

Антирелигиозные стихи Маяковского не только злы и остроумны — они блещут необычайной выразительностью языка, часто достигающего силы и конкретности народных пословиц и поговорок. Эти особенности делают сборник, выпущенный «Молодой гвардией», незаменимым оружием и в нашей сегодняшней борьбе против сектантов и попов.

ЯНЭ.

Н. ГОЛУБЕНЦЕВ

НЕДОПУСТИМОЕ РАВНОДУШИЕ

Поездка в Багдади

Так вот он — Кутаиси! Город, где жил и учился Владимир Владимирович Маяковский.

Чувство приятного волнения охватывает приезжего ленинградца или москвича, интересующегося биографией В. В. Маяковского. Вот где можно почерпнуть много новых сведений о его детстве, вот где можно найти людей, знавших его мальчиком, вот где, конечно, чтут его память и хранят реликвии его жизни!

Увы! наивный пилигрим переживает горькое разочарование.

Правда, грузинский народ знает имя своего великого земляка, чтит его память — это несомненно.

Шофер автобуса, на котором я ехал в Багдади, обернувшись ко мне в момент проезда через селение Дими, спрашивает, изучая мои пальто и шляпу:

— Вы по технической части едете в Багдади?

На мой отрицательный ответ он убежденно говорит:

— Ну, тогда значит на родину Маяковского.

— Да, да! — отвечаю. — А вы разве знаете?

— Ну, как же. Он, ведь, здесь, в Багдади, родился.

Молодежь несомненно знает имя Маяковского.

Имя поэта живо на его родине.

Но горечь разочарования от этого не уменьшается, потому что в Кутаиси вместо любовного и тщательного охранения историко-литературных памятников Маяковского, вместо широкой и глубокой заинтересованности общественных и культурных кругов в пропаганде наследства Маяковского среди широких масс грузинских читателей, вместо систематического собирания материалов, связанных с детством поэта, вы находите полнейшее равнодушие.

В Кутаиси находится отделение Союза советских писателей Грузии.

Конечно, трудно было в течение нескольких дней моего пребывания в Кутаиси познакомиться подробно с деятельностью ССП в отношении пропаганды Маяковского, но уже тот факт, что 14 апреля, в день 7-й годовщины смерти поэта, на его родине, в городе со стотысячным населением, с десятками промышленных предприятий и учебных заведений, с большим гарнизоном Красной армии, не было проведено ни одного вечера памяти поэта — говорит о многом.

Директор Краеведческого музея разводит руками и высоко поднимает седые брови:

— Ничего нет! Нич-чего! Все хлопочу, хочу сделать, но... и денег нет на это и материалы никто не собирает. Вот в Багдади, в доме Кучухидзе будет, говорят, специальный музей Маяковского. Там уже, как я слышал, принялись собирать материалы.

В довершение всего, забыты адреса многочисленных домов, где жила семья Маяковских. Многие дома уже не существуют, а те, которые сохранились, переделаны, перестроены так, что трудно найти комнаты, непосредственно занимавшиеся Маяковским.

12 апреля я предпринял поездку в Багдади.

Широкая зеленая долина, пересеченная виноградниками и рощами, развернулась за городом. Мы проехали новый красивый мост, переброшенный через отмели мелководного притока Риона, пронеслись через великолепные, одетые в свежую зелень дубовые леса, и оказались в холмистой местности со множеством раскиданных там и здесь селений, утопавших в цветущих плодовых садах.

Мимо проплыли винодельческий совхоз «Варцихе», селение Дими, Персати, и, наконец, машина остановилась в Багдади, возле автостанции.

По улице бегали босоногие коричневые ребятишки, важно шли бородатые грузины в войлочных шапочках или замотанных на голове башлыках, скрипели двухколесные арбы.

Мне указали на домик райкома партии.

Секретарь райкома усадил меня в своем кабинете, узнав о цели моего посещения. Но заявил, однако, что он плохо знаком с вопросом и что, по его мнению, дело обстоит скверно. Случайно он слышал по радио о решении организовать здесь, в доме Кучухидзе, где родился поэт, музей имени В. Маяковского.

Я отправился бродить по Багдади.

С холма все селение было видно, как на ладони. Справа, под горой — маленький домик, — это дом Кучухидзе.

Он расположен возле моста через Хенис-Цкали у поворота дороги на Нергиеты.

Фасад, выходящий на реку, украшен балконом с наружной лестницей. На балкон выходят три окна старой грузинской формы, полукруглые с мелкими переплетами рам. Дом приятного коричневого цвета и хоть и очень стар, но производит впечатление прочного и основательного.

Интерьер, напротив, находится в печальном состоянии. Стены и потолки потемнели от копоти и пыли, обои оборваны, многие стекла окон выбиты и заклеены бумагой. Никаких следов приготовления к устройству музея незаметно.

Современников детства Маяковского в Багдади и Кутаиси осталось мало и с каждым годом их число уменьшается. Дома и квартиры, где жил Маяковский, разрушаются и исчезают, документы, находящиеся в архиве, лежат нетронутыми, а, между тем, лица и организации, которым поручено дело пропаганды наследства поэта, которые обязаны собрать и изучить все историко-литературные и общественные документы ,связанные с жизнью Маяковского, бездеятельны или, в лучшем случае, крайне медлительны.

Пройдет еще несколько лет, и то, что сейчас еще можно сохранить, исчезнет безвозвратно.

Сатира и юмор Пушкина

Сборник «Сатира и юмор» Пушкина выходит в издательстве «Советский писатель». Он состоит из трех разделов и включает все наиболее важные произведения поэта сатирического и юмористического характера.

Открывается сборник политическими сатирами Пушкина и его эпиграммами на русских самодержцев — Николая I и Александра I, на «фрунтового солдата» Аракчеева, святейшего ханжу, мракобеса Фотия и др. Далее помещены сатирические произведения, направленные против литературных врагов великого поэта. Среди них — эпиграммы на «шишковистов», на полицейского шпиона, казенного писаку Булгарина и др.

Каждое произведение снабжено кратким комментарием, знакомящим с историей текста и раз'ясняющим малопонятные широкому кругу читателей слова и выражения.

Сборник издается в серии «Большая библиотека поэта».

Песни советской молодежи

Многообразны песни советской молодежи. В них как в зеркале отражены наша радостная жизнь, наша великая родина, где

Молодым везде у нас дорога,
Старикам везде у нас почет.

В выпускаемом «Молодой гвардией» сборнике собрано более 200 массовых песен советской молодежи.

Они подобраны по разделам: «Песни о Ленине и Сталине», «Песни о революции», «Боевые песни Запада», «Песни о гражданской войне», «Песни Красной армии», «Кавалерийские песни», «Краснофлотские», «Песни летчиков», «Песни ОКДВА», «Песни о родине», «О колхозной жизни», «О комсомоле», «Пионерские песни», «Народные песни», «Казачьи», «Украинские», «Песни тюрьмы и каторги», «Лирические песни», «Арии и романсы».

Большое место в сборнике отведено песням о гражданской войне, Красной армии и песням о родине.

Застольной белорусской песней «Будьте здоровы», записанной со слов колхозника т. Бусак, начинается раздел «Песни о родине». Эта яркая и торжественная песня, в которой рассказывается о счастливой, зажиточной жизни, перекликается с «Песней о родине» В. Лебедева-Кумача.

«Боевые песни Запада» знакомят с лучшими песнями революционных бойцов Испании, Германии, Франции, Польши, Венгрии и других стран.

В обширный отдел «Русской народной песни» включены наиболее известные песни Украины, Белоруссии, Грузии, а также песни литературного происхождения, ставшие фактически народными: «Коробейники» Н. Некрасова, «Смерть Ермака» К. Рылеева, «Утес Степана Разина» Н. Навроцкого, «Колодники» А. Толстого и др.

Большим недостатком этого нужного сборника является отсутствие в нем антирелигиозных песен. Ссылка редактора сборника т. Н. Гориной на то, что печатавшиеся раньше антирелигиозные песни теперь устарели, не выдерживает критики. Следовало включить в сборник новые антирелигиозные песни.

АГ.

Из переписки поэта

В издании «Academia» вышел пятый том полного собрания произведений М. Ю. Лермонтова.

Это — заключительный том собрания. В нем помещена лермонтовская проза и вся переписка поэта с товарищами, родными и знакомыми.

Четыре письма из напечатанных в томе до сих пор не входили ни в одно собрание сочинений Лермонтова.

Особый интерес представляет последняя из дошедших до нас корреспонденций Лермонтова — письмо поэта к С. Н. Карамзиной, дочери знаменитого писателя и историографа Н. Карамзина.

Оно написано по-французски и датировано 10 мая 1841 г.

— «Я не знаю, будет ли это продолжаться; но во время моего путешествия мной овладел демон поэзии, или — стихов, — пишет Лермонтов.— Я заполнил половину книжки, которую мне подарил Одоевский, что вероятно принесло мне счастье. Я дошел до того, что стал сочинять французские стихи, — о разврат! Если позволите, я напишу вам их здесь; они очень красивы для первых стихов и в жанре Парни, если вы его знаете.

ОЖИДАНИЕ

Я жду ее в сумрачной равнине; вдали я вижу белеющую тень, тень, которая тихо подходит... Но нет! — обманчивая надежда. — Это старая ива, которая покачивает свой ствол, высохший и блестящий.

Я наклоняюсь и долго слушаю: мне кажется, я слышу с дороги звук, производимый легкими шагами. Нет, не то! Это во мху шорох листа, поднимаемого ароматным ветром ночи.

Полный горькой тоски, я ложусь на густую траву и засыпаю глубоким сном... Вдруг я просыпаюсь, дрожа: ее голос говорил мне на ухо, ее уста целовали мой лоб.

Вы можете видеть из этого, какое благотворное влияние оказала на меня весна, чарующая пора, когда по уши тонешь в грязи, а цветов меньше всего. — Итак, я уезжаю вечером; признаюсь вам, что я порядком устал от всех этих путешествий, которым, кажется, суждено продлиться вечность».

*

В конце тома помещены: школьное сочинение Лермонтова «Панорама Москвы», его различные заметки и планы будущих произведений.

Книга иллюстрирована рисунками самого Лермонтова и его портретами работы русских художников.

ШАЛВА СОСЛАНИ

О поэзии Хади Такташа и развязном рецензенте

Впервые на русском языке вышла в свет книжка стихов одного из популярнейших поэтов татарского народа — Хади Такташа.

Умерший в 1931 году, еще в расцвете творческих сил, поэт успел снискать в своем народе глубокую любовь, оставив память о себе как о талантливом революционном поэте советской Татарии.

Такташ выступил впервые в печати в предреволюционные годы. Он испытал на себе сильное влияние школы русских символистов. Произведения этого периода насыщены абстрактной символикой. По стилю и манере письма стихи Такташа перекликались с образами блоковских видений. Так, в поэме о «Лесной девушке» — одном из лучших произведений этого времени — поэт рассказывает о прекрасной татарской девушке Амине, которая, «закутавшись в черную шаль...в утро погожее шла по тропинке лесной в озаренную даль».

Такташ горячо принял Великую пролетарскую революцию. «В море мертвой и девственной тишины» его поэзии встала разбуженная революцией любовь к своему родному народу. Перед молодым поэтом, выходцем из глухой и нищей татарской деревни, предстала новая тема — обновление старого мира.

В своем переломном стихотворении «Такташ умер» поэт с гневной силой обрушивается на татарских буржуазных националистов, старающихся идеализировать патриархальный быт нищей мусульманской деревни. В этом стихотворении Такташ впервые полным голосом заявляет, что отныне все свое творчество отдает борьбе за строительство социализма.

Но от принятия революции к воплощению революции в поэтических образах, от идеалистического символизма к социалистическому реализму этот крупнейший татарский поэт не мог притти, разумеется, сразу. Он не мог избежать срывов и ошибок (например, стихотворение «Еще о гусях»). Но год от года крепнул его поэтический голос.

Отдав дань подражанию татарским народным песням («Дикие гуси», «Авхадый»), поэт к тридцатым годам пишет подлинно самобытные произведения, доставившие ему широкую популярность среди татарского народа. В этот период подлинного расцвета своего поэтического таланта Такташ создает живые, реалистические образы своих современников, товарищей по борьбе.

В сборнике избранных стихотворений безусловно привлечет внимание читателя поэма «Любовь Зюбейды». С подлинным увлечением рисует поэт портрет комсомолки Зюбейды, ее первую любовь, перемежая историю этой любви с лирическими отступлениями, в которых поэт рассказывает, как одинокий месяц странствует без подруги по небу, как под рукою женщины «шажками быстрыми бежит игла», как вступает в спор с людьми сердитая вьюга.

Вершиной творчества Такташа является его предсмертная поэма «Письма в будущее», полная пафоса и горячей любви к современникам и потомкам:

Мое письмо прочтете вы,
Когда
Усну в земле и, саваном
обвитый.
И, в годы канув,
Будет навсегда
Мое простое имя позабыто,
Но мысли,
Жившие в словах моих,
До вас домчатся,
Тленью непокорны.
Я из земли насыщу жизнью их,
И, как цветы, они взойдут от
корня...

Татарские стихи переводить на русский язык нелегко. А перевод стихов Такташа осложняется еще и тем, что поэт бывал зачастую небрежен в отделке стиха, оставляя в рифмованных стихах целые строфы без рифмы. Нередко можно встретить у Такташа и смешение разнородных стилей, даже в пределах одного стихотворения. Как поэт, он неровен. Высокопоэтические строфы неожиданно сменяются прозаизмами или же примитивно-плакатными агитлозунгами. Переводчик стихов Такташа не мог сглаживать все стилевые и версификационные неровности поэта, так как сборник вышел бы тогда не переводом, а импровизацией на темы Такташа. Формальные недочеты поэта, менее ощутимые в оригинале, становятся более заметными в переводе на другой язык. Переводчику пришлось преодолевать в своей работе немало затруднений.

Все это необходимо учитывать при оценке книги.

Однако нашелся некий рецензент, скрывшийся под псевдонимом «Читатель», который, бросив ряд упреков Гослитиздату, редактору и переводчику книги Такташа, в то же время ни слова не сказал о той роли, которую сыграл этот поэт в татарской литературе. Напротив, он даже попытался путем некоторого передергивания цитат умалить значение этого крупнейшего татарского поэта.

В стихотворении «Милиционер» Такташ с едкой иронией говорит о вредной «работе» некоторых критиков, расправляющихся с поэтами дубиной. Даже не зная того, что Такташу приходилось бороться с авербаховцами, всякий читатель (кроме Читателя в кавычках) из самого стихотворения поэта ясно видит, что оно направлено против кучки недобросовестных критиков. Рецензент из «Литобозрения», прервав цитату на полуслове, сознательно выдает это стихотворение... за «всяческое презрение» Такташа к печати.

Не упомянув о том, что в рецензируемой книге Такташа есть стихи о колхозном строительстве, «Читатель» цитирует одно из ранних стихотворений поэта (написанное в 1926 г.), в котором Такташ говорит о своем уходе из единоличной деревни в пролетарский город. «Читатель», опять-таки оборвав цитату на полуслове, многозначительно говорит: «Поэту тесно в советской деревне, его душа стремится к широким просторам».

Так, с помощью передергиваний и подтасовок рецензент попытался дезориентировать советского читателя и «развенчать» Такташа, который после поэта-классика Абдуллы Тукая занимает одно из первых мест в татарской поэзии.

В творчестве Такташа много недостатков, которые следовало указать и подвергнуть критике, но пренебрежительно относиться к нему, третировать его — недопустимо. Надо думать, что советский читатель, знакомясь со стихами Такташа, не пойдет по стопам «Читателя» из «Литературного обозрения» и за недостатками и срывами поэта сумеет увидеть и понять то ценное и нужное, что доставило поэзии Такташа любовь татарского народа.

*) Такташ Хади. Избранные стихи. Перев. с татарского А. Миниха. М. Государственное издательство «Художественная литература», 1937, стр. 92, ц. 2 р. 50 к.

Сборник песен Г. Лахути

По инициативе секции драматургов ССП и Музгиза в этом году была проведена большая работа над созданием музыкально-вокальных произведений на тексты народного поэта Таджикистана Абуль-Гасема Лахути.

В ближайшее время Музгиз выпускает сборник песен советских композиторов на тексты Лахути.

Сборник. открывается статьей А. Аршаруни о творчестве Г. Лахути.

С. ИВАНОВ, О. ШУЙФЕР

Новое в биографии М. Ю. Лермонтова

В биографии Лермонтова есть много слабо освещенных или вовсе неясных моментов.

Одним из таких моментов является вопрос о взаимоотношениях поэта с отцом и отца поэта с Е. А. Арсеньевой (бабушкой поэта), взаимоотношениях, как известно, глубоко отразившихся на юношеском поэтическом творчестве Лермонтова. Естественно поэтому, что каждый вновь обнаруженный документ, могущий в какой-либо степени пролить свет на отдельные биографические данные, представляет колоссальный интерес.

В последнее время обнаружены неопубликованные документы в Пензенском архиве. Бывшая Пензенская губерния занимает значительное место в жизни поэта. Сюда, в имение Тарханы, еще в младенческом возрасте был привезен родившийся в Москве Лермонтов, здесь протекло его детство, здесь умерла его мать, в Тарханах жила бабушка, воспитывавшая поэта.

Из обнаруженных документов большое значение имеют те, которые характеризуют отца поэта и его отношения с бабушкой.

★

Об отце поэта мы знаем очень мало. Имеющиеся материалы рисуют его с неприглядной стороны: «Вспыльчивость, доводящая его до грубых и дерзких проявлений, несовместимых даже с условиями порядочности (Висковатый, «Русская мысль», 1881, № 10), доходившая до того, что он поднимал руку на мать поэта (Шугаев, «Живописное обозрение», 1898, № 25). Те же Висковатый и Шугаев говорят о его любовных похождениях, угнетавших мать Лермонтова и несомненно способствовавших ее ранней смерти. Имеются свидетельства современников о пьянстве и картежной игре («Звезда», 1936 г., № 5), недопустимо грубом отношении к бабушке поэта (Бартенев, «Русский архив», 1893, № 10).

Все это отнюдь не дает права затушевывать отрицательные качества отца поэта, как это делают некоторые литературоведы, в частности Б. Эйхенбаум, в недавно вышедшей книге «М. Ю. Лермонтов» (Детиздат).

Характеристика Ю. П. Лермонтова была бы не полной, если бы не имелось данных о том, что он буквально продавал бабушке право воспитывать ребенка.

Об этом писал П. Бартенев со слов Сперанского («Русский архив» 1911, № 9), то же свидетельствовал воспитатель Лермонтова — Зиновьев («Вестник Академии наук», 1934 г., № 10); есть соответствующие ссылки в материалах Хохрякова (Висковатый, «М. Ю. Лермонтов», М., 1891).

Это подтверждается и документами Пензенского архива.

Векселя (заемные письма), выданные бабушкой поэта его отцу, в особенности последний вексель, выданный в 1817 году, после смерти матери поэта, является ничем иным, как платой за право оставить ребенка у себя. Приводим этот документ:

«В книге Чембарского уездного суда по литере «Е» за 1817 год (тетрадь № 2) под порядковым номером 10 от 1 марта записано:

Лето 1817 года февраля в 28-й день вдова гвардии поручика Елизавета Алексеева дочь Арсеньева заняла у корпуса капитана Юрия Петровича сына Лермонтова денег государственными ассигнациями двадцать пять тысяч рублей за указанные проценты сроком впредь на год, то есть, будущего тысяча восемьсот восемнадцатого года февраля по двадцать восьмое число, на которое должна всю ту сумму сполна заплатить, а буде чего не заплачу, то волен он, Лермонтов, просить о взыскании и поступлении по законам.

М. Ю. Лермонтов (Автопортрет).

■ ■ ■

К сему заемному крепостному письму вдова гвардии поручица Елизавета Алексеева дочь Арсеньева, что подлинно корпуса капитана Юрия Петрова сына Лермонтова денег двадцать пять тысяч заняла, в том и руку приложила. У сего крепостного заемного письма артиллерии штабс-капитан и кавалер Афанасий Алексеев сын Столыпин свидетелем был и руку приложил. У сего крепостного заемного письма подполковник и кавалер Григорий Васильев сын Арсеньев свидетелем был и руку приложил. Сие заемное письмо писал крепостных дел писарь коллежский регистратор Александр Брызгалов. Запрещения нет, буде подлинно негде запрещения совершить по указам. Секретарь Игнатий Семенов. 1817 года марта в первый день сие заемное письмо в Чембарском уездном суде подлинником в книгу записано..

К сей записке вдова гвардии поручица Елизавета Алексеева дочь Арсеньева руку приложила и подлинное письмо к себе получила того ж числа».

Под записью канцелярская пометка: «Сие заемное письмо о заплаченных деньгах всех сполна пред'явлено мая 1 дня 1819 года».

Самый порядок выдачи этих векселей — с засвидетельствованием в уездном суде, с привлечением ряда свидетелей с той и другой стороны — показателен для характеристики основанных на розни, недоверии взаимоотношений отца с бабушкой. Конечно, все это не могло не отозваться на поэте и не отразиться на его юношеских произведениях.

Векселя, выданные Е. А. Арсеньевой отцу поэта, дополняются ее шестью заемными письмами на разные суммы у разных лиц. Эти заемные письма вносят некоторую ясность в имущественное положение бабушки, а следовательно, и самого поэта.

Укоренилось мнение о богатстве бабушки поэта. М. Н. Лонгинов («Русская старина», 1873, № 3), Е. А. Ладыженская («Записки Сушковой») и ряд других современников говорят об этом. Обнаруженные документы вносят сюда существенную поправку. Бабушка поэта, выплачивая зятю большие суммы за право оставления ребенка у себя, вынуждена была одновременно занимать деньги у соседей, занимать различными суммами (в документах фигурируют суммы в 1.000, 2.000, 5.000 рублей).

В ином свете звучат теперь высказывания поэта о его бедности, которые мы находим и в его письмах и, главным образом, в воспоминаниях Е. А. Сушковой. Получают подкрепление и «Записки неизвестного гусара» («Звезда» 1936 г., № 5), в которых современник поэта рисует «выезд» бабушки поэта:

«Выступаем мы, бывало; эскадрон выстроен; под'езжает карета, старая, бренчащая, на тощих лошадях; из нее выглядывает старушка и крестит нас. «Лермонтов, Лермонтов!—бабушка»... Он любил свою бабушку, уважал ее, и мы никогда не оскорбляли его замечаниями про тощих лошадей». Становятся понятными и задержки в высылке денег поэту и надежды бабушки, что «нынешний год изрядный доход получим, но теперь еще никаких цен на хлеб нет и задаром жалко продавать» (письмо от 1835 года).

Так, несколько документов, впервые публикуемых, разрушают легенду о богатстве поэта. Конечно, это не значит, что Лермонтов был беден. Но это значит, что бабушке с трудом удавалось поддерживать «гусарскую» жизнь внука.

★

Большой интерес представляют два завещания Е. А. Арсеньевой — одно 1817 года, написанное после смерти матери поэта,. и другое 1841 года, после смерти поэта. Характерно, что к 1841 году ее имущественное положение значительно упрочилось. Если в завещании 1817 года фигурирует только имение с «мужеска пола четыреста девяносто шесть душ с их женами, детьми обоего пола и с вновь рожденными», то в завещании 1841 года, помимо имения, есть и деньги в сумме триста тысяч рублей.

Лермонтов был всем в жизни Е. А. Арсеньевой, и в борьбе с зятем за право оставить внука у себя она не стеснялась в средствах. Даже прямая «покупка» этого права у отца поэта казалась бабушке недостаточной. И завещанием своим от 1817 года она пытается еще более закрепить за собой внука. Приводим выдержки из этого завещания:

«После дочери моей Марьи Михайловны, которая была в замужестве за корпуса капитаном Юрием Петровичем Лермонтовым, остался в малолетстве законный ее сын, а мой родной внук Михайло Юрьевич Лермонтов, к которому по свойственным чувствам имею неограниченную любовь и привязанность, как единственному предмету услаждения остатка дней моих и совершенного успокоения горестного моего положения, и желая его в сих юных годах воспитать при себе и приготовить на службу его императорского величества и сохранить должную честь, свойственную званию дворянина, а потому ныне сим вновь завещаю и предоставляю по смерти моей ему родному внуку моему Михайле Юрьевичу Лермонтову принадлежащее мне вышеописанное движимое и недвижимое имение, состоящее Пензенской губернии, Чембарской округи в селе Никольском, Яковлевское тож, по нынешней 7-й ревизии мужеска пола четыреста девяносто шесть душ с их женами, детьми обоего пола и с вновь рожденными, с пашенною и непашенною землею, с лесы, сенными покосы и со всеми угодьи, словом все то, что мне принадлежит и впредь принадлежать будет, с тем однако, ежели оной внук мой будет по жизнь мою до времени совершеннолетнего его возраста находиться при мне на моем воспитании и попечении без всякого на то препятствия отца его а моего зятя, равно и ближайших г. Лермонтова родственников, и коим от меня его внука моего впредь не требовать до совершеннолетия коего, со стороны же своей я обеспечиваю отца и родственников в определении его, внука моего, на службу его императорского величества и содержания его в оной соответственно моему состоянию, ожидая, что попечения мои сохранят не только должное почтение, но и полное уважение к родителю его и к чести его фамилии».

И далее:

«Если же отец внука моего истребовают, чем, не скрывая чувств моих, нанесут мне величайшее оскорбление: то я, Арсеньева, все ныне завещаемое мной движимое и недвижимое имение предоставляю по смерти моей уже не ему, внуку моему, Михайле Юрьевичу Лермонтову, но в род мой Столыпиных, и тем самым отдаляю означенного внука моего от всякого участия в остающемся после смерти моей имении».

★

Родословная поэта, достаточно глубоко исследованная только по отцовской линии (род Лермонтовых), позволяет проследить предков поэта со стороны отца вплоть до 1613 года, до момента перехода в Россию «выходца из Шкотской земли» Георга (Юрия) Лермонта. Родословная поэта по материнской линии почти не изучена. Этот недостаток в биографических материалах покрывается в значительной степени обнаруженной в Пензенском архиве выпиской из «Журналов и протоколов Пензенского, дворянского депутатского собрания» за 1792—1793 год, освещающей род Столыпиных (предков поэта по материнской линии) начиная с 1620 года.

Документы Пензенского архива, кратко здесь изложенные, обогащают биографов Лермонтова новыми интересными данными.

«Сцена об'яснения»
Иллюстрация **Кукрыниксов** к **«Ревизору» Гоголя.**

Детиздат ЦК ВЛКСМ выпускает однотомник произведений Гоголя, богато иллюстрированный рисунками художников Кукрыниксов.

■ ■ ■

Дефицитная литература

О массовой художественной антирелигиозной книге

За последнее время наблюдается некоторое оживление «деятельности» сектантов и церковников всех мастей.

Их «деятельности» нужно противопоставить по-большевистски организованную политическую и культурно-воспитательную массовую работу, в которой немалую роль должна сыграть антирелигиозная литература.

Выпуском этой литературы ведает Государственное издательство антирелигиозной литературы (ГАИЗ).

Здесь выходит ежемесячный журнал «Безбожник» — орган Центрального совета воинствующих безбожников. Редактирует его Ф. М. Путинцев. Это — серый, скучный журнал, несмотря на то, что читатели присылают в редакцию интересные материалы с просьбой использовать их для юмористических рассказов, фельетонов, стихов.

Колхозник И. Д. Самохвалов, например, в своем письме сообщает, что в селе Токарево (Касимовского района, Московской обл.) орудует некая Евдокия Богданова. Выдавая себя за «святую чудотворицу», она произносит над больными заклинания и вымогает за каждый «прием» мешки муки, пшена и т. д. В свое время губсуд присудил «чудотворицу» к году принудительных работ. Но это не помешало Богдановой по отбытии наказания усилить свою «деятельность». Самохвалов просит редакцию «Безбожника» высмеять эту «чудотворицу» в таких произведениях, чтобы ее «пациентам» смешно и горько стало.

Подобные письма часто поступают в редакцию «Безбожника», но здесь они в лучшем случае служат материалом для скучных подборок, которых почти никто не читает.

Не лучше обстоит дело и с массовой научно-популярной книгой.

В свое время ГАИЗ выпустил интересную книгу рассказов женщин **«Мы — безбожницы»**. Это правдивая, живо написанная книга, в которой колхозницы и работницы рассказывают о том, как они порвали с религией. Выпущенная тиражом в двести тысяч экземпляров, книга быстро разошлась.

А вот теперь, как сообщил нам заведующий производственным отделом издательства т. А. Г. Макеев, средний годовой тираж выпускаемой ГАИЗ массовой книги — 21 тысяча, а естественно-научной — 14 тысяч экземпляров. Это — капля в море, так как массовая антирелигиозная литература нужна в сотнях тысяч экземпляров.

Не лучше, если не хуже, обстоит дело с художественной антирелигиозной литературой, выпуск которой после типизации издательств в 1932 году был передан Гослитиздату и издательству «Советский писатель».

«Советский писатель» не издал в течение 1937 года **ни одной** художественной антирелигиозной книги.

Гослитиздатом выпущено всего несколько книг, рассчитанных на хорошо подготовленного читателя. Массовому начинающему читателю Гослитиздат не дал ничего.

Сектанты и церковники ловко используют отсутствие в деревне хорошей антирелигиозной литературы.

В колхозе «Красный партизан», — сообщает из Льгова (Курской области) **Ф. Филиппов**, — евангелисты устраивают своеобразные литературные вечера, которые посещаются молодежью.

Нередко попы пользуются для своей пропаганды произведениями отдельных классиков мировой литературы: Л. Н. Толстого, Мериме и др. Известно, например, что пресловутый поп Введенский ловко пользуется в своих проповедях «примерами» из художественной и научной литературы.

Все это должно было бы заставить наши издательства значительно усилить свою работу на антирелигиозном фронте.

Заведующий ГАИЗ (т. Богад) не мог нам даже сказать, как его издательство готовится к выборной кампании и какая литература будет издана им в помощь избирателям.

Время не ждет.

ГАИЗ необходимо в кратчайшие сроки, быть может совместно с Гослитиздатом, «Советским писателем», «Молодой гвардией» и Изогизом, разработать план выпуска антирелигиозной литературы, альбомов и плакатов к дням избирательной кампании.

В составлении этого плана должны принять активное участие и советские писатели.

Путь советского ученого

Вышла книга крупнейшего ученого-академика И. Губкина «Моя молодость».

Просто, понятно и увлекательно рассказывает знаменитый ученый о том, как трудно приходилось ему и тысячам подобных ему бедняков пробиваться к знаниям. Это был путь скитаний, нужды, вечной борьбы с казенными душами, глубоко презиравшими народ. Хорошо рисует академик Губкин обстановку сельской школы, уездного училища и учительской семинарии, где ему приходилось получать свое образование.

В семинарии Губкин, как и все воспитанники этого заведения, получал стипендию в размере... 6 р. 67 коп. в месяц. На завтрак ежедневно подавался чай и черный хлеб, на обед — суп и каша. «Ни тарелок, ни вилок за обедом не полагалось. Общая чашка на всех и ложки».

Режим в школах был «жестокий и беспросветный». Чтение классиков рассматривалось как преступление. В семинарии «проходили литературу только до Пушкина. Да и Пушкин-то преподносился нам в урезанном, обкарнанном виде». Произведения Тургенева, Толстого и, в особенности, Салтыкова-Щедрина считались крамолой. За чтение Достоевского — даже Достоевского! — Губкин попал в число неблагонадежных элементов.

С интересом читаются страницы, посвященные учительской деятельности Губкина в с. Жайском, где попечителем школы был местный толстосум из породы Колупаевых-Разуваевых, тщательно следивший за нравственностью учителя. Сильное впечатление производит рассказ о работе в петербургском приюте им. принца Ольденбургского, где директор на глазах Губкина «избивал ребятишек в кровь», где царил режим бесчеловечного издевательства над детьми.

В Петербурге же завязались первые знакомства с революционной молодежью, началась революционная активность, сопровождавшаяся жадным стремлением к науке.

Нужны были огромная настойчивость, невероятное упорство и вера в себя, чтобы в тогдашних условиях выходцу из бедняцкой семьи пробить себе дорогу к этой науке.

В течение всей своей деятельности Губкин сохранил революционные взгляды.

Вот почему он — один из первых ученых — оценил значение Великой пролетарской революции, заставшей его в Америке, где он находился в научной командировке. Вот почему он, не колеблясь, вступил немедленно по возвращении в Россию в ряды коммунистической партии, поставил ей на службу все свои колоссальные познания и опыт.

Партия по достоинству оценила деятельность ученого и создала такие условия для его работы, о которых и мечтать не может ни один ученый в капиталистическом обществе. И совершенно понятны светлые, бодрые ноты, звучащие в заключительных словах «Моей молодости»:

«Несмотря на свои шестьдесят пять лет, убеленную сединами голову, я полон жизнерадостности, энергии и никак не чувствую себя стариком. Как перед молодым, передо мною, «жизни даль светла, необозрима».

Такие книги, как «Моя молодость», дают советской молодежи всестороннее представление о страшном прошлом, известном ей только понаслышке. Они на конкретных фактах из жизни наших ученых, политических деятелей, рабочих и крестьян показывают, какие мучительные трудности приходилось преодолевать в условиях капитализма человеку, рвавшемуся к знаниям, мечтавшему об осмысленной жизни, творчестве. Рассказы об этом прошлом укрепляют в читателе любовь к социалистической родине, учат его еще больше ценить те права, которые обеспечивает народам СССР великая Сталинская Конституция.

Т. МАРИНИН

В союзе писателей Украины

По телеграфу от нашего корреспондента

Три дня писатели Украины обсуждали на своем собрании вопрос о борьбе с троцкистско-авербаховским отребьем, немало навредившим в украинской литературе.

В выступлениях Панча, Копыленко, Корнейчука, Бажана, Ив. Ле, Рыльского, Савченко, Головко, Семенова, Гофштейна и др. резкой критике была подвергнута деятельность бывших руководителей ВУСПП и «Молодняка», продолжавших до последнего времени держаться вредной позиции, что «ВУСПП — это одно, а РАПП — это другое».

Наряду с этим не все выступавшие говорили о своих ошибках во весь голос.

Прежде всего это относится к Тардову, Патяку, Торину.

Не удалось врагам расшатать ряды советских украинских писателей! — заявило в своей резолюции собрание, которое обязалось решительно выкорчевать все остатки вражеской агентуры в литературных организациях.

Собрание встретило бурными аплодисментами предложение послать приветственную телеграмму вождю народов великому Сталину.

Двурушник А. Александрович исключен из партии

Еще 29 мая собрание парторганизации ССП БССР, обсуждая вопрос о поэте Александровиче, ограничилось вынесением ему строгого выговора, несмотря на то, что уже тогда вырисовывалась картина его двурушничества.

Белорусская печать в свое время указывала на мягкость и половинчатость этого решения.

На состоявшемся затем общем собрании писателей многие товарищи требовали немедленного исключения Александровича из союза советских писателей. Но благодаря странной настойчивости парторга Лынькова было решено вывести Александровича только из правления. Кроме того собрание писателей выделило комиссию, которая должна была решить вопрос о дальнейшем пребывании Александровича в союзе.

С тех пор прошло два месяца. За это время был обнаружен контрреволюционный акростих Александровича в его книге, изданной в 1937 году.

4 августа парторганизация союза снова занялась этим вопросом.

Указав на мягкость своего первого решения и на недопустимое затягивание окончательного решения вопроса об Александровиче, партсобрание постановило исключить Александровича из рядов Коммунистической партии (большевиков) Белоруссии за двурушничество, выпады против завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции, за протаскивание в печать своих старых националистических стихотворений, за безобразные методы работы его в правлении ССП БССР (групповщина, склочничество, зажим самокритики, самореклама).

С. ДЕЛЬ

Минск

Навстречу XX-летию Великой пролетарской революции

Среди московских композиторов

Московская организация композиторов готовится к празднованию двадцатилетия Великой Пролетарской революции. Уже сейчас видны многогранность и богатство жанров подготовляемых музыкальных произведений. Характерно стремление композиторов к монументальным вещам — опере, оратории, симфонии.

Над симфониями и ораториями работают виднейшие мастера — С. Н. Василенко, А. Ф. Гедике и С. С. Прокофьев; последний заканчивает большое произведение для хора и оркестра на подлинные тексты из статей и выступлений Ленина и Сталина.

Молодые композиторы заканчивают ряд опер, посвященных гражданской войне. Среди них: «Одиночество» — Т. Хренникова (по роману Н. Вирта), «Пограничники» — Л. Степанова, «Дума про Опанаса» — В. Юровского (по поэме Э. Багрицкого), «Чапаев» — Б. Мокроусова-Марсинина.

Исторические мотивы лежат в основе опер «Капитанская дочка» — С. Каца (в либретто отведено много места пугачевскому восстанию), «Жакерия» — заслуженного деятеля искусств, орденоносца А. Ф. Гедике, «Мастер из Клямси» — Д. Кабалевского (по роману Ромэн Роллана «Кола Брюньон»).

Интересны опыты создания нового жанра — колхозной оперы. Такие оперы пишут А. Абрамский («Дружба» — по либретто поэта А. Суркова), Н. Чаплыгин и А. Копосов («Гдовская старина»), Б. Васильев-Буглай и Г. Брук («Федор Коротнев» — по либретто М. Резника).

Кантата С. Василенко — на текст В. И. Лебедева-Кумача — посвящена темам песен народов СССР.

Для хора и оркестра предназначает кантату А. Гедике. Слова — А. Суркова.

Симфоническую кантату «Памяти Серго Орджоникидзе» пишет М. Черемухин.

По мотивам музыкального фольклора народов Севера написал ораторию «Возвращение солнца» Е. Голубев.

Среди симфонической литературы — 17-я симфония Н. Я. Мясковского; симфоническая поэма, посвященная товарищу Сталину, — А. Хачатуряна; «Песнь о Сталине» — Н. Чемберджи; «Поэма о Биробиджане» — А. Крейна; «Туркменская сюита» — А. Дзегеленка; рапсодия для оркестра Б. Шехтера и его же симфония на тему о революционных героях Кабардино-Балкарии; «Авиационная поэма» — Ю. Крейна; симфония Ю. Яцевича, посвященная памяти Серго Орджоникидзе; симфония Вано Мурадели, посвященная памяти С. М. Кирова.

Из крупных хоровых сочинений готовятся сюиты: «Ленин—Сталин» и «Дума про Опанаса» — Д. Васильевым-Буглай; «Семья народов» — Марианом Коваль; сюиту на тему марийских народных песен пишет Я. Эшпай.

Композитор В. Энке пишет кантату «Родина». В. Кочетов работает над праздничной кантатой для об'единенного детского хора и струнного оркестра учащихся московских музыкальных школ, на текст поэтессы О. Высоцкой.

Новые детские песни к празднику двадцатилетия Великой пролетарской революции готовят композиторы Н. Чемберджи, М. Красев, З. Левина, В. Рамм.

Массовая песня

Украинские советские писатели и композиторы решили совместно выступить к двадцатой годовщине Великой пролетарской революции со сборником массовых песен. В сборник войдут песни о Ленине и Сталине, о Ворошилове, о гражданской войне, о борьбе за советскую власть на Украине, песни о народных героях Щорсе, Боженко, Пархоменко, о борьбе украинских трудящихся с немецкими оккупантами, песни о Стаханове, Кривоносе, Марии Демченко, о социалистических заводах и городах, песни бытовые, антирелигиозные и др.

Сборник обещает быть очень содержательным и интересным, но только «обещает», ибо до сих пор дальше разговоров о выпуске сборника украинские композиторы не пошли, ссылаясь на слабость произведений, представленных поэтами.

Претензии композиторов имели почву: некоторые поэты отнеслись к участию в юбилейном сборнике недостаточно серьезно. За исключением текстов тт. Малышко, Н. Ушакова и П. Беспощадного, остальные оказались на довольно низком идейно-художественном уровне.

Сейчас положение иное. Со всех концов Украины поступило свыше 50 новых текстов песен, но секретариат союза композиторов Украины ничего не предпринял для «озвучения» этих песен. Секретариату неизвестно, написал ли кто из композиторов музыку к текстам. Неизвестно, как обстоит дело с текстами ранее написанных песен.

Создание массовой украинской песни, которая отражала бы всю красоту и мощь нашей цветущей родины, дело чрезвычайно важное.

Секретариатам союзов писателей и композиторов следует ускорить осуществление этого важного начинания.

С выпуском сборника надо поспешить, времени осталось очень мало.

МАР.

Юбилейный репертуар театров Белоруссии

МИНСК **(наш корр.)**. Государственный театр оперы и балета готовит к 20-летию великого Октября первую белорусскую оперу — «В купальскую ночь» композитора Гуренкова, в постановке главного режиссера театра Н. В. Смолича. Готовится также опера «Тихий Дон».

Государственный драматический театр БССР покажет в юбилейные дни пьесу З. Бядули «Соловей» (по его одноименной повести). Кроме того будет поставлена одна из конкурсных русских пьес в белорусском переводе.

Витебский городской театр будет ставить пьесу Я. Коласа, написанную им по его повести «Трясина».

Гомельский городской театр готовит пьесу К. Крапивы «Партизаны».

Еврейский драматический театр готовит пьесу Кульбаха «Красноармеец».

Центральный детский театр работает над пьесой «Сталь» — по роману Н. Островского.

Русский драматический театр ставит пьесу Ю. Яновского «Дума о Британке».

Большая часть новых пьес принадлежит перу белорусских драматургов. Построены они на материале истории революционной борьбы трудящихся БССР.

■ ■ ■

На страже советских границ. Пограничник Н-ской заставы тов. А. А. Ситников с собакой «Амур» на охране границы.
(Союзфото).

Марко Вовчок

К тридцатилетию со дня смерти писательницы

10 августа исполняется тридцать лет со дня смерти писательницы Марии Александровны Маркович, писавшей под псевдонимом Марко Вовчок.

Марко Вовчок родилась в 1834 году в б. Орловской губ., училась в Орле и в 1851 году вышла замуж за политического ссыльного А. В. Марковича.

А. Маркович, живо интересовавшийся украинским бытом, украинской литературой, украинским фольклором, внушил Марии Александровне любовь к Украине, интерес к ее народу.

Вскоре Маркович получил свободу, и молодые переехали на Украину, где жили до 1859 года в Чернигове, потом в Киеве и Немирове. Мария Александровна хорошо изучила быт украинского крестьянства, над которым тяготело ярмо крепостного права.

Особенное значение для развития таланта будущей украинской писательницы имело общение с украинским литературно- этнографическим кружком при немировской гимназии, где А. В. Маркович служил преподавателем.

Плодом всего этого явились «Народні оповідання» — рассказы из украинского народного быта Марко Вовчка, вышедшие на украинском языке в 1857 году, восторженно встреченные тогдашними корифеями украинской литературы — Кулишем и Шевченко и сразу доставившие автору литературную известность.

В «Народніх оповіданнях», написанных подлинно народным языком, выражены антикрепостнические настроения (не забудем, что эти рассказы писались до отмены крепостного права).

★

Литературная известность вызвала широкое общение писательницы с литературными кругами. Молодой писательнице становится тесно в тихом провинциальном Немирове, и она уезжает в Петербург, где знакомится с Шевченко, Тургеневым, переведшим ее «Народні оповідання» на русский язык, Некрасовым, Чернышевским и др.

В 1859 году вышли ее «Рассказы из русского народного быта», близкие по темам и по духу «Народнім оповіданням». В этом же году Марко Вовчок уехала за границу, где прожила до 1867 года.

За время пребывания Марко Вовчка за границей ее литературные произведения продолжали также печататься в лучших журналах и выходить отдельными изданиями.

В 1867 году Марко Вовчок снова возвращается в Россию и поселяется в Петербурге. Здесь она особенно сблизилась с Писаревым, Некрасовым, Панаевым, Скабичевским.

Ее литературные произведения помещаются в тогдашних передовых толстых журналах, в «Отечественных записках» и др., она также сотрудничает в специальном женском журнале, отличавшемся острыми феминистскими тенденциями.

В этот период ею написаны повести и романы «Живая душа», «Записки причетника», «В глуши».

Вскоре Марко Вовчок переходит к новому роду литературной деятельности и выдвигается как талантливая переводчица с французского, английского, польского языков.

В 1873 году Марко Вовчок вышла второй раз замуж за М. Д. Лобач-Жученко. Новое замужество резко изменило ее дальнейшую жизнь, оторвало ее от Петербурга, литературных знакомств, общественной деятельности.

В 1876 году Марко Вовчок навсегда покинула Петербург и с мужем, служившим в учебном ведомстве, жила в различных провинциальных городах.

Однако и в последние тридцать лет своей жизни Марко Вовчок, тяжело больная, не прекращала литературной деятельности, продолжала писать, печаталась, переписывалась с писателями, собирала народный фольклор.

Творчество Марко Вовчок сыграло свою роль в борьбе с крепостным правом. Правда, она обличала в своих произведениях крепостное право преимущественно с общегуманистических позиций. Она неизменно подчеркивала антиморальную сущность крепостничества, не касаясь его классовой, эксплоататорской природы. Изображая жизнь украинской деревни, она останавливала внимание читателей главным образом на ярком этнографическом материале, широко пользуясь при этом народной песней и легендой. Крестьянское же движение, оказавшее исключительно большое влияние на творчество Шевченко, почти не нашло отражения в произведениях Марко Вовчок.

Марко Вовчок — классик украинской литературы, ее произведения изучаются в украинских школах.

Б. ЛОБАЧ-ЖУЧЕНКО

С. ВЕЛЬТМАН

Книга о грузинских евреях

Роман Г. Баазова «Петхаин» впервые в нашей литературе раскрывает малоисследованный быт грузинских евреев. Это одно из первых литературных произведений, воспроизведших картину чудовищно отсталого быта, который был донесен во всей своей неприкосновенности до первых дней установления советской власти.

Если в пьесе того же автора — «Ицка Ражинашвили», идущей сейчас на сцене грузинского театра в Тбилиси, мы видим лучшего представителя грузинско-еврейской бедноты на фоне революционной борьбы 1905 г. и погибающего за дело рабочего класса, то в романе «Петхаин» — другая картина.

Жизнь горного местечка близ Тбилиси, откуда вышел главный герой романа, показана настолько социально и культурно отсталой, что ее както трудно датировать годами, к которым приурочено все действие романа (1921—22 гг.).

Трудно себе представить, что, пусть даже в первое время после Октябрьской революции, мог еще существовать такой замурованный участок, где кучка религиозных изуверов, руководимая купцом, синагогальным старостой и меламедом, могла решать судьбу целого народа, ограждая его от остального мира закоснелой стеной непреложных законов «общины».

«Сегодня мы разделили весь мир на четыре части, — сказал какой-то человек с длинным лицом, — каждый народ получил то, что ему принадлежало по закону.

Началась суета. Разделенная на четыре части огромная толпа сразу заметила, что какой-то молодой человек нарушил порядок. Этот юноша бегал от границы к границе и нигде не мог найти себе пристанища. Ни одно общество не принимало его. Он был совершенно одинок, не принадлежал ни к одной части.

Зеленые глаза заметили его и громовым гласом спросили его сверху: «Кто ты, ахалцихец? — нет. Цхинвалец? — нет. Ашкенази? —нет. Лахлуха? — нет. Но кто же ты?»

Над бытом старой заброшенной тбилисской улицы Петхаин, выросшей на месте кладбища, господствовала упрощенная формула: ахалцихцам — одно, ашкенази — другое и т. д.

Еврейско-грузинская беднота управлялась конторой, которая в своих методах эксплоатации бедноты своеобразно использовала опыт родовых взаимоотношений старого горского аула. Это была целая система хозяйственных, общественно-политических мероприятий, при помощи которых какая-нибудь купеческая акула — Бениамен Беридзе властвовал над беднотой. Здесь вырастал социально-бытовой уклад, где было заранее уготовано каждому место по его социальным, имущественным и религиозным связям.

Роман Герцеля Баазова ярко выявляет эти особенности института бытовых и социальных взаимоотношений в «Петхаин» и дает в этом смысле ценный материал для изучения не только жизни грузинских евреев, но и других кавказских евреев, для характеристики их связей с так называемыми «европейскими» евреями — ашкенази и т. д.

Главному герою романа «Петхаин», Натану, отказано в приюте не только потому, что он из другого рода, но еще и потому, что его считали вольнодумцем, пренебрегающим законами купца, меламеда (учителя) и синагогального старосты. Его избили за то, что он читал книги, которые религиозный синклит не признавал достаточно ортодоксальными. Наконец всемогущая община пытается расправиться с ним за то, что он избрал себе в жены женщину — «предназначенную религией» для другого. Сюжетная канва романа, развернутая вокруг этих узловых эпизодов, не отличается большой творческой выдумкой, в ней много стандарта, но тем не менее есть ряд страниц, которые по-настоящему волнуют. Это особенно относится ко всем эпизодам, рисующим стариков — родителей Натана, их любовь к сыну, страх перед вековыми обычаями, перед совершенно инквизиторскими ухищрениями общины, к которым она прибегает для того, чтобы оказать «психическое» воздействие на родителей за «грехи» детей, используя изречение религиозных мудрецов: «Твои разрушители и твои разорители выйдут из утробы твоей».

«Петхаин» — болото, где почти все еще обращено лицом к прошлому. И даже этот Натан, который возражает против вековых косных традиций, выступает все же против программы большевиков. Его политическая программа — куцые культурные мероприятия, а литература, из которой он черпает идеологию, — книжка стихов дореволюционного еврейского поэта Фруга.

Роман показывает других людей: студента Ираклия, рабочего Шаула, которые идут в ряды большевиков. Но они проходят в романе только мелькающими силуэтами.

Концовка романа — Натан постепенно изживает националистические иллюзии.

На похоронах своего отца,—рабочего мастерской, организованной Шаулом, — Исхака, этой одной из жертв «Петхаина», Натан почувствовал, что жизненная правда за теми, кто шли за гробом с красным флагом.

Роман Баазова осветил жизнь грузинских евреев в рамках, которые не дали ему возможности показать на развернутом фоне людей, поднявших бунт против всего уклада старой закоснелой в предрассудках улицы.

Настоящими же борцами были люди типа Ицки Ражинашвили, которые боролись в рядах грузинского пролетариата и крестьянства под руководством большевистской партии. Одержав победу над классовыми врагами, уничтожив эксплоатацию и национальный гнет — эта партия положила конец «Петхаин» — символу векового бескультурья и угнетенья бедноты.

«Петхаин» воспроизведен, если можно так выразиться, на искусственно суженном участке. Автор находился в плену бытового материала, этнографических деталей, которые несколько отодвинули на второй план картину классовой борьбы, показ всего быта грузинских евреев на более широком социальном фоне. Значительная часть материала романа дана статично, без соответствующих художественных обобщений и углубленной трактовки. Остается впечатление, что автор как будто «придержал» часть материала для следующих частей намеченной им трилогии.

Во всяком случае «Петхаин» — одна из тех книг, которые воспроизводят в интересных эпизодах почти неисследованный быт. На фоне богатого этнографического материала роман иллюстрирует распад всех тканей средневековой обстановки, в которой жили раньше отдельные национальности в результате политического и национального угнетения при царизме. Роман ярко разоблачает этот быт.

И то обстоятельство, что эта книга написана человеком, который сам вышел из захолустья, — еще одна иллюстрация культурного роста национальностей Союза, возрожденных Октябрем.

[1] Герцель Баазов, «Петхаин». Гослитиздат, 1936 г.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

1826 год
Расправа с Полежаевым

В августе 1826 года молодой 20-летний поэт А. И. Полежаев по распоряжению Николая I был исключен из московского университета и сдан в солдаты.

Николай, приехавший в Москву на коронацию, посетил университет. Проходя по комнатам студенческого интерната, он, как заправский жандарм, заглядывал в ящики столов, рылся в постелях. У одного из студентов он обнаружил под подушкой рукопись поэмы, озаглавленной «Сашка». Эта поэма привела его в ярость. Легкомысленное содержание поэмы едва прикрывало глубокую издевку над всем социально-политическим укладом царской империи.

Следствие установило, что автором поэмы был Полежаев. Николай приказал доставить его во дворец. «Читай эту тетрадь вслух» — приказал он, протягивая поэму Полежаеву. От волнения тот не мог читать. «Читай!» — закричал Николай. Полежаев прочел поэму. «Я даю тебе военной службой средство очиститься» — сказал Николай. «Я должен повиноваться»— ответил Полежаев. И спустя несколько дней поэт, талант которого, по мнению Белинского, был одним из первых после Пушкина, приступил к выполнению обязанностей унтер-офицера в Бутырском полку.

«При другой жизненной обстановке, — говорил о нем Добролюбов, — не погиб бы этот энергический талант жертвою неравной и бесплодной борьбы». Полежаев не мог не бороться с николаевским режимом. Он был одним из немногих, кого разгром декабристов не оттолкнул от политической борьбы, а призвал к борьбе.

Однако борьба была слишком неравной. Полежаева продолжали травить и в армии. За отлучку для подачи заявления военному министру его заковали в кандалы, и он год просидел на гауптвахте в ожидании, пока будет исполнен приговор военного суда: прогнать сквозь строй! Полежаев готов был уже покончить с собой, когда этот приговор был заменен другим: разжаловать в солдаты и отправить на Кавказ. Была одна возможность спастись от солдатчины, но Полежаев отвергал ее с презрением. «Сделаться полицейским поэтом и петь доблести Николаю, — говорит Герцен, — он не мог, а это был единственный путь отделаться от ранца».

Только в 1838 году пришло наконец производство в офицеры. Эта запоздалая «милость» уже не застала поэта в живых. За несколько дней до получения этого известия он умер от чахотки в солдатской больнице. Цензура разрешила издать сборник его стихотворений, но потребовала, чтобы к сделанному для книги портрету Полежаева художник пририсовал офицерский мундир и эполеты. Этим подлым обманом правительство пыталось скрыть от общества трагическую судьбу поэта.

1818 год
Умер Новиков

12 августа 1818 г. умер Н. И. Новиков — один из выдающихся деятелей русского просвещения в XVIII столетии.

Литературно-издательская деятельность Новикова началась еще в 1768 году, когда он начал выпускать сатирический журнал «Трутень». Полемика со «Всякой всячиной» — органом самой Екатерины — быстро погубила «Трутень». В 1774 году Новиков приступил к изданию «Живописца» — лучшего русского сатирического журнала XVIII века. Но и этот журнал, слишком откровенно обличавший нравы екатерининского царствования, просуществовал очень недолго.

Главное внимание Новиков начинает уделять выпуску исторических изданий. Переиздавая многие старинные книги, он хотел опровергнуть «несправедливое мнение тех людей, которые думали и писали, что до времени Петра Россия не имела никаких книг, кроме церковных».

Настоящий размах издательская деятельность Новикова приобрела лишь в Москве. Арендовав несколько типографий, он начал выпускать одну книгу за другой. Ему удалось выпустить около 450 названий, большая часть которых была рассчитана не на привилегированную дворянскую верхушку, а на массы городского и отчасти сельского населения. Это были преимущественно книги прикладного характера, учебники и доступно изложенная научная литература. До Новикова подобных книг в России почти не было.

Не гонясь за прибылью и не жалея своих средств, он открывал книгопродавцам широкий кредит. В течение нескольких лет число книжных лавок в Москве увеличилось с 2 до 10, а оборот их возрос в 10 раз. Книжные лавки стали открываться во многих провинциальных городах и даже коегде в деревне. Все воспоминания, мемуары и записки того времени указывают, что Новиков в огромной степени содействовал распространению в стране интереса к чтению и к наукам. Он вызвал к жизни целую армию авторов, переводчиков и разного рода литературно-издательских работников.

Подобная просветительная деятельность не могла оставаться в царской России безнаказанной. Сначала Новикову ставились всяческие препятствия, а в 1792 году он был арестован. Преданный суду по обвинению в тягчайших государственных преступлениях, он был заточен на 15 лет в Шлиссельбургскую крепость. Через четыре года смерть Екатерины избавила его от тюрьмы, и он вышел на свободу, разбитый и обессиленный. Заниматься общественной деятельностью он был уже не в силах.

Проза и стихи Дидро

Замечательное произведение Дени Дидро — «Племянник Рамо» было опубликовано много лет спустя после смерти автора. Это обстоятельство, однако, не помешало французскому обществу познакомиться с «Племянником Рамо» еще в семидесятых годах XVIII столетия. При жизни Дидро повесть распространялась в многочисленных рукописных списках. Революционно настроенные парижане были в восторге от повести.

В 1804 году один из списков «Племянника Рамо» попал к Гете.

Великий поэт, страстно увлекавшийся французскими просветителями, немедленно перевел повесть и выпустил в свет. Это было первое издание «Племянника Рамо».

Через 16 лет два литературных проходимца, виконт де-Сор и его приятель Сент-Жение, перевели повесть с гетевского издания на французский язык и выпустили ее отдельной книгой, сопроводив титульный лист сенсационной надписью: «Посмертное и неизданное сочинение Дидро». Естественно, что опубликование «неизвестной рукописи» писателя произвело фурор в литературном мире. Двое мошенников купались в лучах славы. Это продолжалось около двух лет, пока издатель сочинений Дидро — Бриэр не изобличил де-Сора и его друга в фальсификации и не опубликовал подлинный текст повести.

Такова в немногих словах история текста «Племянника Рамо», который помещен в IV томе собраний сочинений Дидро, выпускаемого издательством «Academia».

Читальный зал Всесоюзной библиотеки имени Ленина в Москве.

«Рукописи Пушкина»

В результате трехлетней кропотливой работы Академией наук составлено первое полное описание всех рукописей и автографов Пушкина, хранящихся в ленинградском Пушкинском Доме.

Использованы черновики стихов и прозы, копии текстов с личными поправками, окончательные тексты, письма и черновики писем, записи в альбомы, рисунки и книги с пометками великого поэта.

Полное описание охватывает **823** рукописи и автографа, характеризующие все периоды творческой жизни Пушкина — от ранних лицейских произведений до последнего автографа — письма Пушкина к А. О. Ишимовой, написанного в день дуэли, 27 января 1837 года.

Новинки Детиздата

В серии «Исторической библиотечки» Детиздата ЦК ВЛКСМ вышло четыре книги: «Девяносто третий год» В. Гюго (третье издание), «Квентин Дорвард» Вальтер Скотта (второе издание), «Хроника времен Карла IX» («Варфоломеевская ночь») П. Мериме и «Спартак» Р. Джиованьоли (второе издание).

*

В школьной серии выпущены: «Хаджи Мурат» Л. Толстого, «Горе от ума» Грибоедова, «Квентин Дорвард» Вальтер Скотта, «Три мушкетера» А. Дюма, «Спартак» Р. Джиованьоли и «Марсельцы» Ф. Гра. Из советских авторов: К. Паустовский — «Кара-Бугаз» с рисунками художника В. Щеглова, А. Гайдар — «Военная тайна» (с иллюстрацией Д. Шмаринова), Н. Чуковский—«Навстречу гибели» (художник А. Разулевич).

Любимая библиотека

На бесконечно-длинных полках Всесоюзной библиотеки имени Ленина около восьми с половиной миллионов книг. Среди них — двести пятьдесят тысяч, как говорят библиотекари, «корешков» на 94 языках национальностей нашего великого Советского Союза, не считая украинского, белорусского и западных языков. Недаром сегодня Всесоюзная библиотека имени Ленина принадлежит к очень небольшому числу самых крупнейших библиотек Старого и Нового Света.

★

Двадцать лет тому назад библиотека Румянцевского музея имела лишь 1.200 тысяч томов. И только после Великой социалистической революции начался невиданно бурный рост книжных богатств этой библиотеки, когда в становившиеся уже тесными залы влились ценнейшие собрания книг, бывшие еще вчера украшением и прихотью барских коллекций.

После смерти В. И. Ленина, в 1924 году, библиотеке Румянцевского музея было присвоено имя величайшего из вождей трудящегося человечества, который так любил и ценил книгу.

В. И. Ленин еще в дореволюционное время часто посещал библиотеку Румянцевского музея и интересовался ее работой.

Потом, уже в годы революции, окружив всяческими заботами библиотечное дело в стране Советов, Владимир Ильич особенное внимание уделял бывшей Румянцевской библиотеке.

★

С каждым месяцем, с каждым годом расширялась Всесоюзная библиотека им. Ленина, росло число ее читателей.

Стоит ли говорить о том, что было в первые годы Великой пролетарской революции?

Возьмем даты более близкие, хотя бы **1928 год**, когда число зарегистрированных читателей библиотеки достигло **30.963** человек. Эти читатели посетили библиотеку **402.972** раза. За год библиотека выдала **1.119.572** книги и около **10.000** библиографических справок.

В прошлом году в библиотечных списках было зарегистрировано уже **56.346** читателей, посетивших библиотеку **589.932** раза. Количество выданных книг дошло до **2.385.736**. Число ответов на самые разнообразные вопросы справочно-библиографическому бюро выросло почти до **40.000**.

Огромную помощь сегодняшнему посетителю Всесоюзной библиотеки им. Ленина оказывают выставки, которые постоянно устраиваются в читальных залах библиотеки.

В прошлом году здесь состоялось **48** таких выставок.

Для обслуживания тысяч читателей библиотека располагает штатом в 800 работников (научные сотрудники, библиографы, главные библиотекари, библиотечные техники, библиотекари первого и второго разрядов, библиотечные служители). Кого же они обслуживают? Кому помогают?

Тысячам людей, которые приходят сюда не только из студенческих городков Москвы, из столичных вузов, из научных лабораторий, из рабочих мастерских, с заводов. В читальном зале библиотеки можно нередко встретить человека, который приехал в Москву исключительно для того, чтобы найти нужную книгу, чтобы познакомиться со специальной литературой, которой нигде не найдешь.

★

Что читает сегодняшний посетитель Всесоюзной библиотеки им. Ленина?

На этот вопрос ответить было бы легко, если бы... работники величайшей в Союзе сокровищницы книг вели хотя бы самый элементарный учет вкусов сегодняшнего читателя.

К сожалению, этим здесь не особенно интересуются.

«Крепостная», как говорят библиотечные работники, расстановка книг на полках хранилищ, заключающаяся в том, что самые разнообразные авторы и самые разнообразные наименования располагаются на полках по мере их поступления в библиотеку, довлеет и над учетом характера требуемой читателем литературы.

— Что читает ваш посетитель?

— Мы не ведем такого учета, — скромно отвечают сотрудники библиотеки...

Между тем такой «учет» мог бы дать интереснейшие данные...

Короткий экскурс в туго-стянутую бечевкой пачку читательских требований показал до некоторой степени вкусы сегодняшнего читателя. В нескольких сотнях требований мы встретили разнообразный «ассортимент» литературы.

Значительный процент читаемых книг падает на научно-техническую литературу,—здесь «Молекулярная физика», «Расчеты передач в станкостроении», словари, учебники. Политическая и экономическая литература также занимает большое место. Многие читают русских и иностранных классиков — от Пушкина и Тургенева до Шекспира и Гете.

Огромной популярностью и интересом пользуются новинки советской и западной беллетристики: в интересной и увлекательной форме читатель хочет познакомиться с сегодняшним днем не только нашей великой родины, но и всего мира.

Извлеченные нами случайные данные об интересах постоянного читателя Всесоюзной библиотеки имени Ленина, конечно, весьма поверхностны. Детально разработанных материалов о читательском спросе, повторяем, в библиотеке нет, и это большой пробел в ее деятельности.

Выпускники десятилеток, уже успевшие стать студентами столичных институтов, доценты, экономисты, военные, инженеры, писатели, актеры, — все они идут в Ленинскую, в свою любимую библиотеку.

Ю. АРДИ.

Вечер Ромэн Роллана

6 августа на культбазе Центрального парка культуры и отдыха им. Горького состоялся вечер, посвященный жизни и творчеству величайшего писателя современности, друга Советского Союза Ромэн Роллана.

С докладом выступил Н. Г. Вдовиченко, который дал анализ творческого пути писателя.

На вечер Ромэн Роллана собралось свыше 500 человек, которые с глубоким вниманием слушали докладчика. Ему было задано много вопросов: о связи Ромэн Роллана с Жоресом; над чем работает сейчас писатель, как реагировал Роллан на дело Дрейфуса, о переводах произведений Роллана на русский язык.

В заключение заслуженный артист республики О. Н. Абдулов прочел из «Кола Брюньон» главу о Ласке и главу «Король пьет».

Собрание сочинений Л. Фейхтвангера

Гослитиздат готовит издание полного собрания сочинений Лиона Фейхтвангера. Об'ем издания — 14 томов, в него войдут все важнейшие произведения писателя.

В будущем году выйдут первые шесть томов. Содержание их: «Безобразная герцогиня», «Еврей Зюсс», «Иудейская война», «Сыновья», «Семья Оппенгейм» и первая часть трилогии «Успех».

Две последние части «Успеха», роман «Лже-Нерон», третья часть трилогии «Иосиф Флавий», пьесы и новеллы, а также том критических и публицистических статей будут изданы в 1938—39 гг.

Второе издание книги Коллинза

Книга знаменитого американского летчика Джимма Коллинза — «Летчик-испытатель» быстро исчезла с полок книжных магазинов. Успех книги вполне понятен. Он об'ясняется и трагической судьбой ее автора, обычной для пилотов капиталистических стран, и выдающимися литературными достоинствами новелл об опасной, полной всевозможных приключений жизни летчиков-испытателей.

«Всемирная библиотека» выпускает второе издание «Летчика-испытателя», которое выходит под редакцией и со вступительной статьей Героя Советского Союза М. Водопьянова.

В книге будут помещены и отзывы о ней Героев Советского Союза В. Чкалова и Г. Байдукова.

Новые книги «Всемирной библиотеки»

«Пощады нет» Альфреда Деблина и роман Ренэ Блека «Кожаный ошейник» вышли в издании «Всемирной библиотеки» (Жургазоб'единение). Тираж каждой книги — 20 тысяч экземпляров.

На-днях выходят «Кровавые дни Парижа» Жана Кассу и «Юность Генриха IV» Генриха Манн.

«Кровавые дни Парижа» — исторический роман из эпохи Парижской Коммуны. Автор — французский революционный писатель, активный участник народного фронта.

«Юность Генриха IV» — последнее крупное произведение известного антифашистского писателя Г. Манна. Роман вышел в конце 1935 г. в Амстердаме. В нем изображается жизнь французского двора при Карле IX. Мрачные картины эпохи, которой посвящен роман, вызывают чувство возмущения и показывают, как на протяжении веков королевская власть пренебрегала интересами народа и государства.

А. АРШАРУНИ

«Литературный Казахстан»

Литературно-художественный и общественно - политический журнал «Литературный Казахстан» — орган союза советских писателей КазССР.

Как оправдал журнал свое назначение?

За полгода, с января по июнь, вышло всего четыре номера журнала, из которых один — сдвоенный. Это значит, что была слабовата в первую очередь организационная работа в журнале.

Необходимо все же отметить два момента: в «Литературном Казахстане» преобладают романы и повести, тогда как еще пять лет назад первенствующее место в казахской литературе занимала поэзия. И второй момент — «Литературный Казахстан» выходит на русском языке. Это значит, что казахская (уйгурская, дунганская) литература сделалась доступной русскому читателю и, наоборот, казах читает художественную литературу и на русском языке.

Наряду с этим внимательному читателю сразу бросается в глаза, что журнал недостаточно использовал предоставленные ему широкие возможности. Журнал, очевидно, живет самотеком. Часть материала представляет собой необработанное сырье, много просто бессодержательных произведений, совершенно отсутствуют критические и общественно-политические статьи.

Скажем конкретнее. В первом номере «Литературного Казахстана» помещен совершенно сырой рассказ Б. Майлина и Г. Мусрепова* «Народный батырь Амангельды» — художественно неполноценное произведение, вызывающее своим содержанием во многих местах недоумение. Так, например, Амангельды без всякого труда громит со своими сарбазами регулярные войска, вооруженные пушками и пулеметами (стр. 11). В дальнейшем же выясняется, что у этих сарбазов не было даже винтовок (стр. 17). Непонятен также следующий факт: Амангельды, не доверяя алаш-ордынцам, требует их разоружения (стр. 16) и одновременно предлагает связанным с алаш-ордой бывшим офицерам обучить его отряд пулеметной стрельбе, чем губит и себя и своих сторонников (стр. 16 и 17). Таких несообразностей в рассказе очень много.

В том же номере напечатан рассказ «Харчевня» Кави Наджми, смысл которого настолько неясен, что совершенно непонятно, что хотел сказать автор. На двух с половиной страницах он «развертывает» тему войны и нагрянувшей революции, выражаясь следующим языком: «Приказ этот, вылившись через край бумаги, затопил улицы». Заканчивается этот шедевр сообщением, что «большевики встали у власти...», а хозяин харчевни «торопливо запер двери...».

Равнодушие союза к своему органу доказывается также появлением на страницах журнала ряда слабых произведений русских авторов, вроде рассказа «Радость» М. Алтайского (№ 1), представляющего собой сплошное сюсюканье о шестилетней девочке, вообразившей, что положенные ею на полотно кукла и георгин вызовут крушение поезда. Она самоотверженно размахивает флажками перед надвигающимся паровозом. Не менее самоотверженный машинист спасает девочку, а «никший цветок георгина подобрал какой-то задумчивый маленький и строгий старичок».

Образец халтуры в области литературоведения представляет собой статья Всеволодова о Салтыкове-Щедрине (№ 4), в которой можно найти такие фразы: «Такие писатели, как Тургенев, Гончаров, Толстой, изображали и помещиков-крепостников, и помещиков-либералов, и бюрократов различных оттенков, но образы их имели какие-то человеческие черточки» (!).

Беспризорностью веет от всего журнала в целом. Чувствуется, что никто не воспитывает писателя, никто не заботится о молодых кадрах, а потому писатель оторван от масс, от жизни. Тематика «Литературного Казахстана» однообразна. Она имеет, главным образом, исторический характер. Мало произведений на животрепещущие темы. Нет статей ни о троцкизме, ни об авербаховщине, ни о контрреволюционном казахском национализме в литературе.

О деятельности контрреволюционной шайки шпионов-диверсантов редакция журнала сочла достаточным упомянуть один раз (в № 1), и, наконец, как это ни чудовищно, «Литературный Казахстан» в течение полугода ни разу не вспомнил об Испании.

В журнале нет отдела критики. Писатели не относятся самокритически к себе, они не критикуют и не выявляют ошибок друг друга, обходят молчанием националистические вылазки, происходящие на идеологическом фронте. А между тем настоятельно необходимы критические статьи не только на отдельные произведения, но и на их переводы, точно так же, как нужна критическая оценка переводов на казахский язык советских писателей и русских и иностранных классиков.

«Литературный Казахстан» оторван от писательской организации и от масс. Вследствие этого он не стимулирует связь писателей с акынами, певцами, отражающими гораздо более действенно нашу современность, чем этот орган союза писателей. Вследствие этого он не ведет борьбы с контрреволюционным казахским национализмом, поощряя политическую беспечность писателей, проявляя подчас гнилой либерализм. В большой мере ответственен за все это бездействующий союз советских писателей Казахстана.

Работу журнала необходимо коренным образом перестроить.

На его страницах должны появиться полноценные художественные произведения, отражающие современную эпоху расцвета Казахстана, его социалистическое строительство, Казахстан эпохи Сталинской Конституции.

* Этим авторам удалась пьеса и сценарий о народном герое Амангельды, рассказ же явно недоработан.

На конференции в Доме печати

Дом печати провел **3, 4** и **7** августа конференцию журналистов Москвы. Около восьмидесяти организаций прислали своих делегатов, — это были работники газет, журналов, издательств.

С отчетным докладом правления Дома печати выступил **т. Д. Заславский.** Отчет ревизионной комиссии сделал директор Гослитиздата **т. Н. Накоряков.**

В прениях выступило **20** человек.

На конференции были вскрыты безобразия, творившиеся в Доме печати при прежнем правлении. Не велась работа по политическому воспитанию журналистов; кружки и секции бездействовали; допускались грубейшие нарушения советской демократии.

Прежнее руководство Дома печати привлекало к работе враждебных нам людей, бесконтрольно распоряжалось средствами Дома печати.

Расходы на культурную и политико-воспитательную работу в этом году составили всего лишь 1 проц. суммы, ассигнованной на это дело, а на банкеты только за первые три месяца текущего года было затрачено 17 тысяч рублей.

Трибуна Дома печати зачастую использовалась врагами народа — Эйдеманом, Бухариным, Радеком и др. Дом печати проходил мимо важнейших политических событий в области литературы. Здесь не было сделано ни одного доклада о вскрытых за последнее время вылазках классового врага на литературном фронте.

Выступавшие в прениях журналисты отметили недостаточную самокритичность доклада т. Заславского.

Конференция постановила распустить старое правление и выбрала оргбюро, которому поручено провести перерегистрацию членов Дома печати, пересмотреть состав уполномоченных, сделать глубокую ревизию хозяйственной и финансовой деятельности Дома печати, представить на утверждение новый устав и разработать оперативный план работы на второе полугодие 1937 года.

Всю работу оргбюро должно провести с помощью широкой журналистской общественности, — только при этом условии можно превратить Дом печати в подлинный клуб журналистов.

*

Сегодня вечером в Доме печати состоится встреча московских фоторепортеров и журналистов с вернувшимся из Испании кинооператором Союзкинохроники и специальным корреспондентом «Известий» **т. Кармен.**

ПОДПИСКА НА ЗАЕМ УКРЕПЛЕНИЯ ОБОРОНЫ СССР

Подписка на заем среди московских писателей в основном закончена. Поступают еще заявки на подписку лишь от тех писателей, которые до сих пор находились вне Москвы.

В групкоме драматургов **247** человек подписалось на **212.975 рублей.**

В групкоме писателей при Гослитиздате сумма подписки достигла **87.750 руб.**, что составляет **168 проц.** к трехнедельному фонду зарплаты. Не охвачено подпиской еще 7 человек из 238 членов групкома. Прошлогодняя подписка на заем превышена.

В групкоме при издательстве «Советский писатель» заем размещен между **147** писателями на **71.250 руб.** Общая сумма подписки на заем превышает прошлогоднюю на 10.250 руб.

Успешно прошла реализация займа и в групкоме при издательстве «Academia». 57 членов групкома подписались на **21.200** руб., тогда как в прошлом году 90 членов групкома подписались на 25 тысяч.

Общая сумма подписки на заем укрепления обороны СССР среди московских писателей **достигла 425 тысяч рублей.**

А. БЕЗЫМЕНСКИЙ ИСКЛЮЧЕН ИЗ ПАРТИИ

9 августа состоялось партийное собрание писательской организации г. Москвы. Обсуждался вопрос о Безыменском.

На собрании выяснилось, что А. Безыменский был активным троцкистом еще в 1923 году, отражал троцкистские настроения не только в этот период, но и в последующие годы.

Он не только не преодолел троцкизм, но, наоборот, поддерживал тесную связь с враждебными элементами до самого последнего времени.

На протяжении всей своей литературно-политической «деятельности» А. Безыменский активно участвовал в антипартийных группировках, начиная от РАПП'овской «левой», возглавлявшейся троцкистами, и кончая литфронтом — литературной агентурой право-левацкого блока.

До 1934 года А. Безыменский переиздавал стихи, восхваляющие заклятого врага народа Троцкого, выкидывая только его имя.

Исходя из всего этого, партийная организация постановила А. Безыменского исключить из рядов ВКП(б)

Помощь Литфонда

Правлением Литфонда принято **новое положение о порядке оказания членам Литературного фонда материально-бытовой помощи.**

Положение в основном построено на принципах социального страхования.

Кроме видов обслуживания, предусмотренных социальным страхованием, новое положение Литфонда включает еще специальные пособия растущим писательским кадрам, возвратные пособия, безвозвратные пособия в случаях тяжелого материального положения и пособия при прохождении военной службы.

В отличие от предшествующей практики, новое положение устанавливает, как правило, выдачу пособия всем членам Литературного фонда при временной нетрудоспособности. Размер пособия по временной нетрудоспособности устанавливается от **200** до **600** рублей в месяц., причем членам Литературного фонда, состоящим членами союза советских писателей, пособие может быть увеличено до **1000** рублей. Единственное ограничение заключается в том, что пособие по временной нетрудоспособности не может в течение года превышать **6000** рублей — для членов Литфонда, состоящих членами ССП, и **3000** рублей — для остальных членов Литфонда.

Пособие по временной нетрудоспособности выдается членам Литфонда, работающим в других учреждениях и предприятиях, в размере разницы между пособием, выплачиваемым страхкассой, и размером пособия Литфонда.

ПРИГОВОР ПО ДЕЛУ И. ШУХОВА

5 августа в Московском городском суде закончилось слушанием дело И. Шухова (см. «Дела и дни И. Шухова» в № 42 «Литературной газеты» от 5 августа).

Суд признал Шухова виновным во всех пред'явленных ему обвинениях.

В описательной части приговора суд констатирует, что рядом аморальных и уголовно наказуемых действий И. Шухов дискредитировал почетное звание советского писателя и гражданина.

Шухов приговорен к двум годам лишения свободы без поражения в правах. Принимая во внимание чистосердечное признание Шухова и то, что он на суде обязался искупить свои преступления честным трудом, суд постановил считать приговор условным, с испытательным сроком в течение двух лет.

ПОПРАВКА

В прошлом номере «Литературной газеты» допущена в книжной хронике ошибка: произведения, принадлежащие **Чарльзу Робертсу** (в переработке Н. Чуковского), ошибочно приписаны Чарльзу Диккенсу.

Ответственный редактор Л. М. СУБОЦКИЙ.
ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное об'единение.

РЕДАКЦИЯ: Москва. Сретенка, Последний пер., д. 26, тел. 69-61.
Издательство: Москва. Страстной бул., 11, тел. 4-68-18 и 5-51-69.

Уполномоченный Главлита В — 32121.
Типография газ. «За индустриализацию», Москва, Цветной бульвар, 30.